

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

РУСЬ В IX–X ВЕКАХ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА

Ответственный редактор
академик
Н. А. МАКАРОВ

МОСКВА - ВОЛОГДА
«ДРЕВНОСТИ СЕВЕРА»
2012

Гнёздовский археологический комплекс

Гнёздово — один из наиболее крупных раннегородских центров Руси — является предшественником исторического Смоленска — столицы древнерусского княжества XII–XIII вв. Хотя Смоленск упоминается в летописи в рассказе о событиях конца IX — начала XI в. (ПСРЛ, т. I, стб. 10, 23, 135; ПСРЛ, т. II, стб. 8, 122), культурный слой ранее второй половины XI в. на территории города пока не обнаружен. В то же самое время всего в 13 км от него располагается значительный комплекс археологических памятников начального периода формирования Древнерусского государства, нижняя граница которого — рубеж IX–X вв., верхняя — первая половина XI в. А. А. Спицын в одной из публикаций, посвящённых гнёздовским древностям, писал: «Гнёздово — место старого Смоленска» (Спицын, 1905 б, с. 7). Это заключение известного русского археолога на всём протяжении XX века имело как сторонников, так и противников, послужив своеобразным толчком для дискуссии «о переносе городов»¹.

К настоящему времени в результате многолетних раскопок накоплен обширный материал, позволяющий раскрыть характер и значение поселения, занимавшего к началу XI в. огромную площадь и окружённого несколькими тысячами курганов, и рассмотреть его в ряду с другими раннегородскими центрами Руси, сыгравшими важную роль в процессе формирования государства.

¹ Мы не будем касаться этой темы, отсылая интересующихся к многочисленным статьям 70–80-х гг. XX в.

Гнёздовский археологический комплекс и история его изучения

Гнёздовский археологический комплекс расположен в 13 км к западу от центра Смоленска. Одна его часть находится на территории современного города, в его «зеленой зоне», другая — в Смоленском районе. Комплекс составляют несколько археологических памятников, размещённых на протяжении почти 5 км по обоим берегам Днепра (рис. 2). Первое описание Гнёздовских курганов и городища на правом берегу Днепра было сделано в начале XX в. В. И. Сизовым. Подробная характеристика составляющих комплекс курганных групп и всех поселений была дана А. Н. Лявданским. К началу 20-х гг. XX столетия в Гнёздове насчитывалось восемь курганных групп, семь из которых располагались на правом берегу Днепра, одна — на левом. Кроме того, на правом берегу, при впадении в Днепр двух небольших речек (Свинца и Ольши), Лявданским были открыты два селища — Центральное и Ольшанское, примыкавшие к городищам. По подсчётам А. Н. Лявданского, в Гнёздове когда-то было до 4500 курганов, количество насыпей в группах колебалось от 100–110 до 1200 и более, а площадь Центрального селища составляла не менее 16 га (Лявданский, 1924, табл. XXXV; Авдусин, 1999а). Топографически между собой наиболее тесно связаны Центральное поселение, состоящее из городища и селища, лежащего на обоих берегах р. Свинец, Глушанковская и Лесная

Рис. 2. План-схема Гнёздовского комплекса археологических памятников: 1 – Центральное городище; 2 – Центральное селище; 3 – Центральная курганная группа; 4 – Глуценковская курганная группа; 5 – Лесная курганная группа; 6 – Левобережная курганная группа; 7 – Днепро-ская курганная группа; 8 – Ольшанская курганная группа; 9 – Ольшанское городище; 10 – Ольшанское селище; 11 – Заольшанская курганная группа; 12 – Нивлянская курганная группа

курганные группы, расположенные к востоку и северо-востоку от него, и Центральная курганная группа, расположенная к западу и северо-западу (рис. 2: 1–5). Ольшанский комплекс образуют селище и городище (вероятно, относящееся к Новому времени) и Ольшанская курганная группа, располагавшиеся на левом берегу р. Ольши; курганная группа подступает к поселению с востока и северо-востока (рис. 2: 8–10). Днепро-ская курганная группа, расположенная на кромке террасы правого берега Днепра, как бы соединяет оба комплекса между собой (рис. 2: 7). Поселения, соответствующие двум другим курганным группам, – Правобережной Ольшанской (Заольшанской), расположенной на некотором удалении на запад, и Левобережной, расположенной напротив Центрального поселения на левом берегу Днепра, пока не известны.

Изучение гнёздовских памятников, в первую очередь курганов, началось в 1874 году после обнаружения здесь одного из богатейших древнерусских кладов X в. В разное время разными исследователями в Гнёздове были проведены раскопки курганов во всех группах комплекса, заложены шурфы на Ольшанском селище и городище и проведены раскопки разного масштаба на Центральном поселении.

Исследования на территории Гнёздова проводили В. И. Сизов, С. И. Сергеев, В. А. Городцов, И. С. Абрамов, А. Н. Лявданский, Н. В. Андреев и Н. П. Милов, Д. А. Авдусин, И. И. Лапушкин, Е. А. Шмидт, Т. А. Пушкина, Е. В. Каменецкая, В. В. Мурашёва, С. А. Авдусина, С. С. Зозуля (Авдусин, 1999 б; Авдусина, 2011, с. 118–119; Вещнякова, Булкин, 2001, с. 40–54; Пушкина, Мурашёва, Нефёдов, 2001, с. 12–27).

С середины 1990-х гг. при исследовании Гнёздовского археологического комплекса активно используются естественнонаучные методы, что во многом связано с началом раскопок пойменного сектора поселения. Особенности залегания культурного слоя на пойме потребовали выработки специфических методов полевых исследований данной территории: под толщей речных отложений трудно определить наличие и характер слоя на различных участках без предварительной разведки. Из-за динамичных изменений природно-ландшафтной ситуации в пойме Днепра её изучение невозможно без палеоэкологических исследований и реконструкции древнего ландшафта. После открытия культурного слоя на пойменной части поселения появились возможности выявить зоны и комплексы, связанные с обслуживанием речного пути.

Различные виды анализа образцов культурного слоя (биоморфный, микологический и геохимический анализы) дали дополнительные возможности для интерпретации археологических объектов – одной из важнейших задач полевых археологических исследований. Так, фитолиты растений, отложившиеся в культурном слое и выявленные в процессе биоморфного анализа, несут информацию о составе растительных остатков и, в ряде случаев, предоставляют возможность интерпретировать невыразительные, с археологической точки зрения, объекты, например, выявить хозяйственные постройки для хранения зерна. Микологический анализ, основанный на исследовании спор плесеней, позволяет использовать микроскопические грибы как биоиндикаторы для характеристики культурного слоя. Например, в сухом, не содержащем органических остатков слое, определить наличие объектов из кожи, таких как кузнечные мехи, возможно лишь выявив споры грибов, известных своими кератинофильными свойствами и развивающихся на коже, шерсти, волосах и т.д. Геохимический анализ почвы позволяет выявить аномалии, связанные с функционированием поселения, прежде всего, зоны, связанные с ремесленной деятельностью по обработке цветных металлов (Мурашова и др., 2009, с. 177–187).

МОГИЛЬНИК

Курганные группы, насыпи которых во многих случаях вплотную подступают к границам поселений, исследованы неравномерно. Так, Правобережная Ольшанская раскопана практически полностью, в то время как Ольшанская и Левобережная изучены не более чем на 10 %. Тем не менее мы можем достаточно подробно охарактеризовать основные черты погребального обряда, сделать заключения об этническом и социальном составе населения Гнёздова и его половозрастной структуре. Значительная часть материалов из раскопок курганов опубликована, кроме того, существует несколько работ, посвящённых как некрополю в целом, так и отдельным его частям или группам погребений (Авдусин, 1952; 1957; 1970; Булкин, 1973; Авдусин, Пушкина, 1989; Жарнов, 1991; 1998; Каменецкая, 1991; Сизов, 1902; Спицын, 1905 б; 1906; Ширинский, 1999). Из нескольких тысяч курганов обширного могильника к настоящему времени было раскопано около 1300 насыпей, что, однако, не может совпадать с числом исследованных погребений, поскольку часть из них оказалась раскопанной дважды: колодцем или траншеей во второй половине XIX – начале XX в. (рис. 3), а затем полностью, на снос, –

Рис. 3. Курганы Лесной группы, раскопанные колодцем во второй половине XIX – начале XX в.

Смоленской археологической экспедицией МГУ в 1949–2002 гг.

Исчерпывающий анализ погребального обряда Гнёздовских курганов и истории их изучения содержатся в диссертации и ряде статей Ю.Э.Жарнова. Наблюдения и выводы автора, которые мы далее используем, основаны на материалах достоверной выборки из 793 погребений (Жарнов, 1992).

Трупосожжения — доминирующая форма погребального обряда Гнёздовских курганов (52 %); трупоположения составляют около трети (31 %) от исследованных погребений, «пустые» курганы — 17 %. Обе формы сожжения — на месте сооружения кургана и сожжение на стороне — встречаются во всех курганных группах Гнёздова.

Среди сожжений более 80% составляют погребения, совершённые на месте возведения кургана. По месту расположения остатков кремации их можно разделить на захоронения в урне (70 %); на уровне кострища и в насыпи (28,5 %); в подкостришной яме (2,5 %). Глиняные урны — это обычные кухонные горшки, вылепленные от руки или сделанные на простейшем гончарном круге. Дифференциация трупосожжений по половозрастной принадлежности погребённых показывает, что в выборке доминируют одиночные погребения мужчин, женщин и детей, доля парных погребений составляет около 20 % (рис.4).

По заключению Ю.Э.Жарнова, данное соотношение отражает естественный характер представительства половозрастных групп гнёздовского населения, присущий поселениям с относительно стабильной демографической структурой (Жарнов, 1992, с. 7).

Почти в половине гнёздовских трупосожжений встречаются кости животных и птиц. Osteологическое определение кальцинированных костей пока-

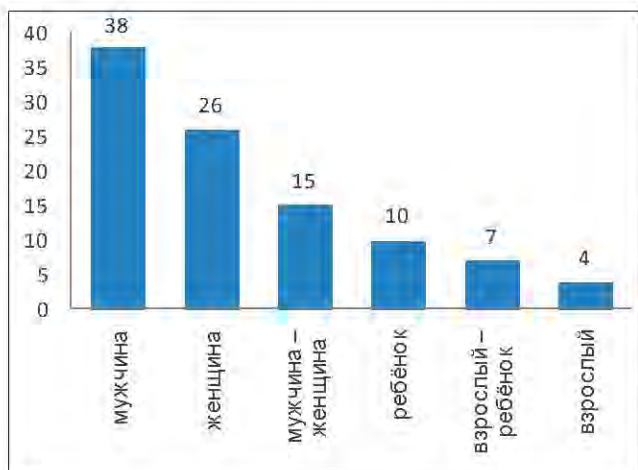

Рис. 4. Дифференциация трупоположений по половозрастной принадлежности погребённых

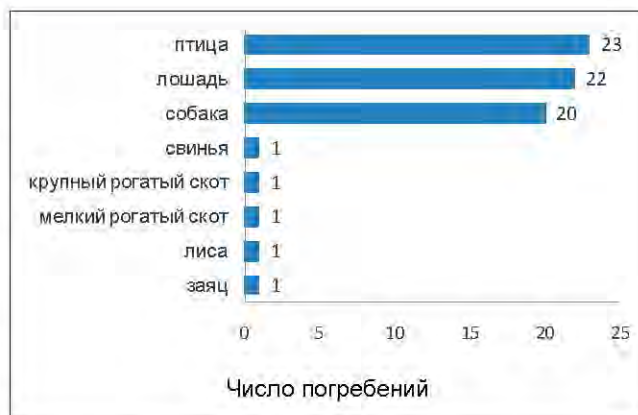

Рис. 5. Соотношение костей птиц и животных в гнёздовских кремациях

зывает, что в выборке преобладают останки лошадей, собак и птиц, а доля диких животных, крупного и мелкого рогатого скота незначительна (рис. 5).

Кости лошади наиболее часто встречаются в мужских кремациях, птицы — в женских, собаки — в детских. По наблюдениям Ю.Э.Жарнова, наличие или отсутствие в кургане фаунистических остатков или присутствие костей отдельных видов животных (например, лошади) не может служить основанием для каких-либо заключений об этнической принадлежности погребённого. Судя по письменным источникам и этнографическим материалам, в мифологии славян и скандинавов конь, собака и птица могли выступать проводниками в потусторонний мир или жертвенными животными на тризне (Жарнов, 1992, с. 7–8).

Следы погребальных ладей в виде находок многочисленных железных заклёпок (не менее 50 штук) обнаружены в нескольких курганах Лесной, Центральной, Днепровской и Ольшанской групп². Все они содержали разнообразный и богатый набор вещей (курганы Лесной группы — Л-13, Л-47; Центральной группы — Серг-7, 16/1900; Ольшанской группы — Абр-24/Сиз-24-Оль-1; Днепровской группы — курган Серг-18/1901). Погребальная ладья — характерная деталь скандинавского обряда VIII–X вв. На территории Древней Руси такие погребения известны в курганах Приладожья, урочище Плакун под Старой Ладогой и Гнёздове (Стальсберг, 1998, с. 277–287). Все гнёздовские погребения, в отличие от погребений могильника Плакун, — это парные сожжения, содержавшие как мужские, так и женские

² А.Стальсберг насчитала в Гнёздове 11 курганов с ладьёй, включив в этот список и те курганы, которые содержали менее 50 заклёпок. Ю.Э.Жарнов счёл возможным учесть только те комплексы, в которых было не менее 100 заклёпок, и определил всего три погребения. Они также входят и в список норвежской исследовательницы. Мы исходили из минимального количества заклёпок (50), необходимых для крепления бортовой обшивки.

вещи скандинавского происхождения. За исключением двух курганов Лесной группы, остальные по своим параметрам относятся к так называемым «Большим курганам», возведѐнным на Руси не ранее середины – второй половины X в. (Петрухин 1998 а, с. 362). Отметим попутно, что курганы с парными сожжениями в ладьях располагались почти в центре Центральной, Днепровской и Ольшанской групп.

Около 17% погребений, вошедших в выборку, содержали предметы вооружения. В большинстве своём это трупосожжения, и лишь в курганах Правобережной Ольшанской группы находки оружия преобладают в ингумациях (Кайнов, 2008, с. 201). Чаще всего в погребениях встречаются наконечники стрел – обычно по 1–2, но в ряде случаев зафиксированы наборы из шести и более экземпляров. Более значимыми для характеристики Гнёздова являются находки других видов наступательного и защитного вооружения, представленного мечами, скрамасаксами, копьями и т. п., хотя количественно они и уступают находкам стрел. Практически все виды вооружения, за исключением защитного, встречены как в трупосожжениях, так и в трупоположениях. Наряду с обычным расположением клинкового оружия или копья (плашмя на кострище или рядом с погребѐнным), в девяти случаях предметы были предварительно сломаны или согнуты (меч) и затем положены в яму или на кострище; либо вонзены в кострище или стенку камеры (меч, скрамасакс, копьѐ). Такое особое обращение с оружием зафиксировано в погребальном обряде как крупных, так и незначительных по размерам курганов, исследованных во всех группах могильника.

Относительно небольшая часть сожжений совершена вне кургана (20%). Эти погребения, встреченные во всех курганных группах, содержат урны чаще, чем сожжения на месте, и характеризуются либо малочисленным набором вещей, либо их полным отсутствием. В ряде случаев остатки кремации на стороне помеща-

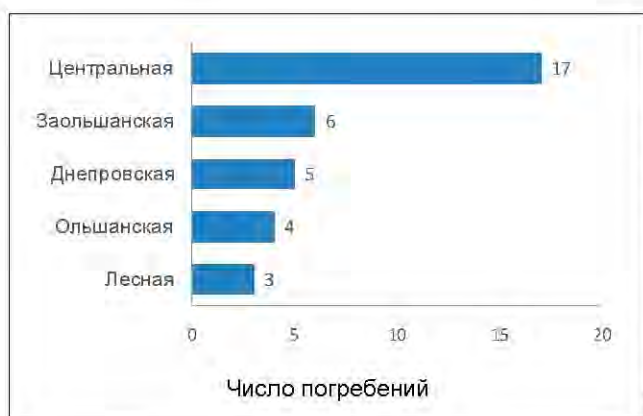

Рис. 6. Распределение камерных погребений в курганных группах Гнёздовского могильника

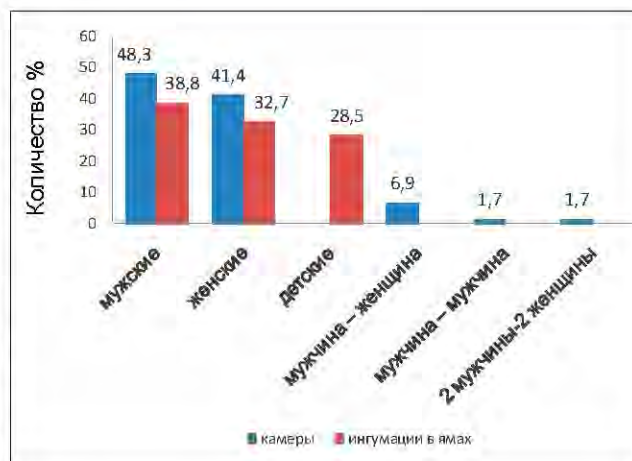

Рис. 7. Половозрастная дифференциация ингумаций Гнёздовского могильника

ли в уже существующую насыпь кургана, сооружѐнного над погребальным кострищем более раннего сожжения на месте. Такие погребения, вероятно, можно рассматривать как захоронения родственников.

120 погребений, составляющих треть исследованной выборки, совершены по обряду ингумации. Из них 85 – в относительно небольших могильных ямах, включая 8 достоверно зафиксированных случаев использования гроба. Для этого типа трупоположений характерны западная ориентировка погребѐнных и небольшое количество вещей. 35 трупоположений было совершено в обширных земляных камерах, дополненных в некоторых случаях деревянными конструкциями. Камерные погребения встречены во всех курганных группах, за исключением Левобережной (рис. 6).

В пределах каждой из курганных групп ни трупоположения в ямах, ни камерные погребения не образуют локальных скоплений и не имеют какой-либо закономерности в размещении, располагаясь вперемешку с курганами, содержащими кремации.

Изучение половозрастной принадлежности погребѐнных в гнёздовских ингумациях показывает, что пропорция мужских и женских погребений приблизительно одинакова в обоих типах курганов с остатками трупоположений. Детские захоронения встречены только в могильных ямах, а парные погребения – исключительно в камерах (рис. 7).

Наиболее показательна половозрастная дифференциация ингумаций из полностью исследованной Заольшанской курганной группы, где женские, мужские и детские комплексы составляют по трети всех определяемых погребений (Жарнов, 1992, с. 14).

По материалам выборки, исследованной Ю. Э. Жарновым, остатки погребений отсутствовали в 111 неповреждѐнных курганах; ещё в 106 случаях

«пустые» курганы имели повреждения. Такие насыпи принято интерпретировать как меморативные или как повреждённые курганы с несохранившимися остатками трупосожжения на стороне. Значительная доля «кенотафов», открытых до середины прошлого столетия, в какой-то мере отражает недостатки методики раскопок, в результате которых ингумации в ямах не были распознаны. В условиях плохой сохранности органики невозможно подтвердить изначальное отсутствие человеческих останков без применения методов химического и изотопного анализов (Жарнов, 1992, с. 16–18).

Анализ особенностей погребального обряда Гнёздовских курганов позволяет выделить две культурные традиции. С первой связаны курганы высотой более 2,5 м с кремациями и такими чертами погребального ритуала как сожжение в ладье и порча оружия. Вещевой материал этих погребений характеризуется украшениями и амулетами скандинавских типов, комплексами вооружения из трёх и более видов, наборами конского снаряжения, стеклянными сосудами и ритонами, металлическими котлами, торговым инвентарём, игральными шашками из кости и стекла, остатками золотного шитья. К той же традиции принадлежат и труположения в камерах. Эти комплексы следует рассматривать в качестве наиболее яркого проявления присутствия скандинавской группы населения, отражённого в погребальном обряде.

Ко второй традиции должны быть отнесены часть трупосожжений и труположений в обычных ямах. По мнению Ю.Э. Жарнова, носителями «второй культурной традиции» могли быть как

скандинавы, погребения которых по ряду причин не содержали упомянутых выше этнокультурных показателей, так и иное «нескандинавское» население. Вероятно, находки височных колец и керамики славянского облика позволяют рассматривать часть погребений второй группы как славянские (Жарнов, 1992, с. 20–21; 1998, с. 98–103). Погребения, принадлежащие обеим традициям, обнаружены во всех курганных группах Гнёздовского могильника.

Поселения, их топография и застройка

В состав Гнёздовского археологического комплекса входят два поселения, протяжённость истории и полнота изучения которых различны.

Менее всего исследованы городище и селище, расположенные на западе Гнёздовского комплекса на берегах р. Ольши (рис. 2: 9, 10). *Ольшанское городище* находится на мысу надпойменной террасы левого берега р. Ольши, при впадении её в Днепр. Городище имеет неправильную треугольную форму, с западной стороны защищено рекой. Площадь городища – около 1,2 га. Вал имеет высоту 2 м при ширине основания 15 м. Глубина рва – менее 1,5 м, ширина – около 3 м. Два нешироких прохода, пересекающие вал и ров, ведут на площадку городища с напольной стороны. Раскопками на площадке (общая вскрытая площадь – не более 200 кв. м, включая две траншеи, прорезавшие вал) обнаружен незначительный культурный слой, содержащий, кроме немногочисленных материалов X–XII вв., обломки керамики XVI–XVII вв. и несколько монет этого же

Рис. 8. Гнёздово. Вид на Центральное поселение со стороны Днепра

времени. Невыразительность оборонительных сооружений, следы кирпичного производства периода сооружения крепостной стены Смоленска (рубеж XVI–XVII вв.) и другие материалы позволили Д. А. Авдусину датировать возникновение городища поздним временем (Авдусин, 1953, с. 115). Несмотря на находки керамики гнёздовского типа, сделанные во время разведочных работ А. Н. Лявданского, и обнаружение отдельных предметов X–XII вв. при проведении раскопок в 2009 г. дата городища остаётся неясной (Авдусина, 2011, с. 119).

Ольшанское селище открыто А. Н. Лявданским в начале 20-х гг. XX в. Исследователь отметил распространение культурного слоя с черепками сосудов гнёздовского типа по обоим берегам р. Ольши. На распространение культурного слоя с обломками керамики X–XII вв. и костями животных к востоку от городища обращал внимание и Е. А. Шмидт, но селище осталось неисследованным. Таким образом, пока мы можем лишь предполагать связь между Ольшанским поселением и курганами Ольшанской или Правобережной Ольшанской групп.

Материалы **Центрального поселения**, комплекса которого составляют городище и селище, играют важную роль в оценке характера и роли Гнёздова (рис. 8). Оно сильно пострадало при сооружении железной дороги, прорезавшей комплекс с запада на восток, но изучается давно и достаточно планомерно на протяжении нескольких десятилетий. Суммарная площадь участков, исследованных в разных частях Центрального поселения, – более 7000 кв. м (в том числе на городище – около 2500 кв. м, на селище – более 4500 кв. м).

Центральное городище (ЦГ) расположено на левом берегу р. Свинец при впадении его в Днепр, на мысу первой надпойменной террасы. Крутые западный и северный склоны мыса защищены ручьём и его современной болотистой поймой, южный склон менее крут и обращён к сырой пойме и старице Днепра – небольшому озерку Бездонка. Высота площадки над поймой – около 7 м, расстояние до берега Днепра – 120–150 м. Площадка городища неправильной четырёхугольной формы прорезана железной дорогой, уничтожившей почти треть памятника. Общая площадь городища – около 1 га. На плане, снятом в 1901 г., отмечена валообразная насыпь вдоль западной, северной и восточной сторон площадки, до настоящего времени вал сохранился только с северной и, частично, с восточной стороны. Ров отделяет с востока городище от остальной части поселения, расположенного на террасе. В южном конце рва расположена перемычка-въезд, которая, однако, имеет позднее происхождение. Высота сохранившегося вала – 5,2 м, ширина его основания – 17,4 м. Ширина рва – 18 м, глубина – 4 м.

Селище расположено на обоих берегах р. Свинец и охватывает Центральное городище с трёх сторон (рис. 2: 2). Традиционными археологическими методами, то есть на основании распространения находок фрагментов керамики и развалов очагов или печей, А. Н. Лявданским установлено, что дворы и постройки древнего Гнёздова располагались на первой, надпойменной, террасе правого берега Днепра и занимали площадь около 16 га. Пойма Днепра, которую сейчас затапливают высокие паводковые воды, вплоть до недавнего времени практически всеми

исследователями считалась непригодной для селитьбы в древнерусское время. Проведённая в конце 90-х гг. XX в. археологическая шурфовка территории правобережной поймы показала наличие здесь культурного слоя, близкого по характеру распространённому на террасе (Пушкина, Мурашёва, Нефёдов, 2001, с. 12–26). Изучение культурных напластований и древнего ландшафта пойменного участка геоморфологическими методами, прежде всего с помощью бурения (совместно с кафедрой геоморфологии географического факультета МГУ), позволило оценить площадь слоя и характер его распространения.

Зачистка береговых отложений, выявление в толще аллювия погребённых почв и их датирование радиоуглеродным методом, картографирование разновозрастных пойменных отложений, сопоставление их с элементами современного рельефа, использование метода вертикального электрического зондирования для выявления отложений, соответствующих различным этапам развития палеодолины Днепра, со всей очевидностью показали, что в период позднего голоцена Днепр последовательно отступал от края первой надпойменной террасы. Был установлен этап, соответствующий периоду жизни Гнёздова IX–XI вв.: река располагалась на 80–90 м ближе к Центральному городищу, чем в настоящее время (рис. 9). Эти данные нашли подтверждение во время раскопок гипотетической «пляжной зоны» древнего русла реки (Александровский, Кренке, Нефёдов, 2005, с. 112–123; Мурашёва, Панин, Фетисов, 2009, с. 141; Мурашёва, Стефутин, 2011, с. 49–50).

Рис. 9. Обрушение слоёв в районе древней береговой линии Днепра — свидетельство изменения местоположения русла реки

Результаты бурения по сетке с шагом в 20 м на сухой части поймы позволили установить изменения характера культурного слоя по площади, составить карту распространения культурного слоя и получить предварительную информацию о его мощности и характере, выявить участки с переувлажнённым слоем, содержащим органические остатки. Оказалось, что территория использовалась обитателями Гнёздова избирательно: существуют участки, где культурный слой отсутствует. Особенности древней топографии в значительной степени определяли характер использования тех или иных участков территории в гнёздовское время (Мурашёва, Панин, Фетисов, 2009, с. 134–138). Из 13 га, занимаемых правобережным пойменным массивом (включая пойменные озёра), культурный слой зафиксирован на площади 2,5 га. Из них почти 2 га занимает один, наиболее крупный, ареал, а оставшаяся площадь приходится на 9 небольших ареалов. Все ареалы культурного слоя расположены на древней тыловой части пойменного массива площадью 8 га. Молодая пойма лишена культурного слоя: оказалось, что она формировалась в послегнёздовское время за счёт отступления русла Днепра на юг, в направлении, противоположном городищу.

Общая площадь Центрального поселения приближается к 30 га. Мощность культурного слоя террасной части селища колеблется от 0,2 до 0,8 м, мощность слоя на площадке городища — от 0,5 до 1,5 м. Стратиграфия слоя из-за активной распашки в послевоенные годы очень сильно нарушена, на многих участках селища слой перепахан до материка, на поверхности которого хорошо видны оставленные плугом борозды. Культурные напластования городища прорезаны многочисленными военными траншеями и ямами, связанными с постройками 50-х гг. XX в.

Сохранность культурного слоя пойменной части поселения несравненно лучше — он оказался «запечатан» аллювиальными отложениями, активное формирование которых началось не ранее XVII в. Это своеобразное «одеяло» толщиной от 0,7 до 3 м обусловило уникальную сохранность слоя и убергло его от всех видов антропогенного воздействия позднего времени. Мощность культурного слоя на территории поймы — от 0,2 до 0,8 м. Ещё одной особенностью культурного слоя пойменной части поселения является хорошая сохранность на отдельных его участках органических остатков, в частности, дерева, что позволило получить образцы для дендрохронологического анализа.

Несмотря на разную степень сохранности и информативности культурного слоя в разных частях его распространения, можно судить об основных типах жилых, производственных и хозяйственных построек, закономерностях и особенностях освоения территории поселения.

Поскольку в культурном слое на основной части Гнёздовского поселения практически не сохраняется дерево, сведения о системе домостроительства и определяющих его архитектурных традициях чрезвычайно скудны. О местах расположения построек и их приблизительных размерах, а также об отопительных сооружениях позволяют судить тёмные, почти чёрные пятна слоя с включениями угля, развалами обожжённых камней и глины. Сооружались как наземные дома, так и постройки с углублёнными частями основания. Оба типа построек практически существовали и известны на всей территории посёлка, но имели разное назначение.

Жилые постройки площадью до 20 кв. м в большинстве случаев, видимо, были срубными и ставились на грунт, а иногда на столбы-стулья. Наличие срубных конструкций подтверждает редкая находка с территории пойменной части поселения — деревянная «курица» (брус с выступающей частью корня, поддерживавший водосток кровли), которая могла быть использована лишь как архитектурная деталь срубного дома. В нескольких случаях пятна сгоревших срубов перекрыли углублённые в грунт ямы-котлованы меньшего размера, которые, вероятно, можно рассматривать в качестве погребов.

Обогревались жилые постройки очагами разных конструкций. Очаги из камня и глины площадью около 3,5 кв. м, сооружённые на поверхности пола в нескольких жилищах, обнаружены в западной и пойменной частях селища. Они аналогичны отопительным устройствам, известным в Старой Ладогѣ VIII—X вв. (Петренко, 1985б, с. 96; Рябинин, 1985, с. 41—42). Наиболее распространёнными в Гнёздове оказываются очаги, состоящие из уложенных в несколько слоёв камней, плотные развалы которых встречены на всех исследованных участках поселения.

В пойменной части селища, прилегающей к террасе, и на площадке городища найдены две небольшие купольные печи с диаметром внутренней камеры около 0,6 м. Одна из них была возведена с использованием жердевого каркаса. Подобный способ возведения свода печи многократно зафиксирован археологически, а по свидетельству этнографов использовался вплоть до середины XX в. (Раппопорт, 1975б, с. 151; Бломквист, 1956, с. 260). Небольшие размеры обеих печей позволяют предполагать, что они не являлись отопительными сооружениями, а были построены для выпечки хлеба или для приготовления пищи. Аналогичные сооружения известны в материалах Старой Ладогѣ и Рюрикового городища (Носов, Петренко, 1986, с. 9; Носов, 1990, с. 51—61; Семёнов, 1997, с. 180—190).

Кроме срубных, существовали столбовые, а также турлучные конструкции. Об этом свидетельствуют многочисленные столбовые ямы и завалы обмазанных глиной плетнёвых стен, неоднократно зафиксированные в разных частях поселения. Тра-

диция сооружать плетнёвые конструкции различного характера достаточно широко распространена на территории Европы. На пойменной части поселения удалось зафиксировать следы небольшого плетнёвого настила, использованного для обустройства одного из участков. Подобные настилы отмечены в материалах этого же времени в Центральной и Северной Европе (Donat, 1984, S. 30, Abb. 10; Hall, 1986, p. 65; Wallace, 1992, p. 8, 89). Жердевая конструкция стен характерна для построек производственного назначения, основу которых составляют вытянутые ямы разных форм глубиной до 0,8 м с расположенными в них небольшими каменными очажками. К производственным постройкам могут быть отнесены и немногочисленные углублённые в материк сооружения со столбовой конструкцией стен. К числу хозяйственных сооружений относятся «тверди» для подхода к воде и дощатые мостки, переброшенные через заболоченную ложбину на притеррасном участке поймы (Мурашѣва, Авдусина, 2007, с. 9—10).

Планиграфия остатков построек различного характера, находок и особенность распределения культурного слоя позволяют предположить усадебную застройку, по крайней мере, на территории восточной и пойменной частей селища. Границы усадеб намечаются по расположению межевых канавок, серии столбовых ям от изгородей к пустырям — участкам, практически лишённым культурного слоя. Точно определить площадь дворов пока не представляется возможным, но совершенно очевидно, что на них находились как жилые и соответствующие им хозяйственные, так и производственные постройки.

Хозяйственная деятельность, ремесло, производственные зоны

Конструкция построек, их расположение и характер связанных с ними находок позволяют очертить не менее четырёх хозяйственно-производственных зон на территории поселения. Первая зона локализуется на территории Пойменного селища (Мурашѣва, Енисова, Фетисов, 2007, с. 31—77).

Ювелирно-кузнечные мастерские пойменной части селища располагались около оз. Камыши. Хорошая сохранность культурного слоя позволила выявить совокупность последовательно сменявших друг друга производственных сооружений. Полученные данные позволяют проследить динамику изменения конструкции кузницы и говорить о четырёх сменяющих друг друга типах сооружений. Анализ материала ограничивает время существования производственного комплекса промежутком от второй четверти X в. до рубежа X—XI вв.

Самый ранний объект здесь представляет собой углублённую двухкамерную восьмёркообразную

конструкцию. Многочисленные шлаки указывают на связь данного сооружения с металлообработкой. Очаг, вероятно, располагался в одной из камер постройки. Вторая камера предназначалась либо для размещения межей, либо использовалась как ёмкость для хранения флюсов. Полное отсутствие фрагментов тиглей может говорить о том, что производственная деятельность ограничивалась обработкой чёрных металлов.

На следующем этапе был сооружён горн иной конструкции, он представлял собой чашеобразную яму, вдоль одной из стенок которой была возведена невысокая глиняная стена, которая должна была защищать межи от высокотемпературного воздействия. Среди фрагментов обожжённой глины была найдена часть сопла. Об усложнении производственных процессов свидетельствует набор находок, связанных с металлообработкой. На данном этапе можно говорить о полифункциональном характере мастерской, сочетающей ювелирное дело и обработку железа, что документируется как находками тиглей, так и многочисленными железными шлаками.

Углублённый горн с глиняной стенкой по краю сменяется сооружением, от которого сохранилась яма-траншея (длина ямы – более 6 м, глубина достигает 50 см). В северном борту ямы вырезана ступенька, на ней – сложенный из камней очажок. В южной части над аналогичной частью ямы предшествующего этапа расположена яма чашеобразной формы. Подобные конструктивные особенности производ-

ственных сооружений прослежены в мастерских других раннегородских центров на территории Восточной Европы (Горюнова, 1988 б, с. 51–52).

Наиболее интересные и хорошо сохранившиеся объекты относятся к финальному периоду существования производственного центра. Практически все сооружения на данном этапе связаны с обработкой чёрных и цветных металлов. Центром производственной зоны является развал большого каменного очага, к которому примыкает яма правильной овальной формы с крутыми стенками и плоским дном. Возможно, этот предгорновой выем создавал удобства при работе с межами, расположенными на перекрывавшем яму помосте. Слой, связанный с финальным этапом, изобилует находками, преобладающее количество которых связано с производственными процессами. Среди инструментов для литья доминируют тигли. Анализ их заполнения, а также находка небольшого золотого слитка и фрагмента купели позволяют утверждать, что основная специализация этой мастерской – обработка благородных металлов (рис. 10). Вероятно, данная ремесленная мастерская располагалась в границах крупной богатой усадьбы. О состоятельности владельца свидетельствует состав находок, включающий предметы роскоши – византийские амфоры и тонкостенные стеклянные сосуды.

Вторая кузница на территории поймы была расположена в прибрежной части, на берегу древнего русла Днепра. Она имела более узкую специализацию – следов кузнечной обработки железа, как и фрагментов тиглей и других свидетельств ювелирного производства здесь не зафиксировано. В процессе полевых исследований выявлено несколько ярусов каменных очагов. Каждый из очагов после прекращения его использования перекрывался слоем супеси или переотложенного культурного слоя, в результате чего сформировался искусственный холм. Лучше всего сохранился очаг из крупных камней на вершине холма, относящийся к финальному горизонту, около него были найдены кузнечные клещи и крупный сланцевый оселок (рис. 11). Не исключено, что специализация данной кузнечной мастерской – сезонное обслуживание речных судов. Возможно, что кузнечная мастерская длительное время была связана не только с починкой судов, но и с их строительством. В пользу этого свидетельствуют не только само расположение каменных горнов у реки, но и большое количество найденных на прилегающем участке заклёпок и их фрагментов. Кроме того, несомненно, местными мастерами были изготовлены погребальные ладьи, обнаруженные в Гнёздовских курганах. На вероятную кораблестроительную деятельность жителей указывает необычно высокая доля (до 5%) в спорово-пыльцевом спектре конопля, необходимой для изготовления веревок и канатов (Бронникова, Успенская, 2007, с. 172–173). Многочисленные следы подтопления прибрежного участка

Рис. 10. Находки финального периода ювелирно-кузнечной мастерской у озера Камыши в пойменной части селища (ГИМ 111421, оп. 2778; ГИМ 111661, оп. 2786) Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

Рис. 11. Находки из района кузнечного очага в прибрежной зоне Днепра. Раскоп ДП-1 (ГИМ 113439, оп. 2823). Фото С. А. Асдусиной и А. М. Красниковой

(прослойки аллювия) заставляют предполагать, что мастерская не могла работать круглогодично и функционировала только сезонно.

Помимо участков в пойме Днепра, на территории Центрального поселения выявлены ещё три зоны, связанные с ремесленной деятельностью. Картографирование находок производственного характера показало, что они встречаются практически повсеместно. Однако ощутимая концентрация инструментов, сырьевых продуктов, заготовок и отходов ювелирного, кузнечного и косторезного ремесел прослеживается в пределах трёх, удалённых друг от друга, участков поселения, расположенных на территории надпойменной террасы.

Самый ранний из них локализуется на правом берегу р. Свинец на территории Западного селища. С площади в 860 кв. м происходит 82 предмета, относящихся к сырьевым продуктам. Здесь же найдено 18 железных инструментов для ковочных и отделочных операций, 5 целых и 220 обломков плавильных сосудов. Из 44 выявленных материковых ям 13 комплексов содержали остатки сооружений со следами ярко выраженной ремесленной деятельности. Наиболее ранняя постройка имела прямоугольную форму и четыре мощных опорных столба. В её заполнении обнаружена исключительно лепная

керамика и ложнозернёное семилучевое роменское височное кольцо. Вероятно, верхняя дата этого комплекса – середина X в.

Наличие ям, содержащих лепную и круговую или только круговую керамику, а также анализ различных категорий находок указывают, что производственная деятельность протекала на этом участке до начала XI в. Изготовление изделий из цветных металлов и их сплавов сочеталось с кузнечной обработкой железа, о чём свидетельствуют многочисленные шлаки, полуфабрикаты и отходы (Вешнякова, Булкин, 2001, с. 42–49). Примечательная особенность производственного комплекса Западного селища – изготовление украшений, характерных для смоленско-полоцких длинных курганов: здесь найдены незаконченные трапециевидные и ромбовидные подвески, а также литые трёхкольчатые подвески-цепедержатели. Несмотря на обилие производственных свидетельств, эту территорию нельзя оценивать как обособленную ремесленную зону, свободную от жилых построек. Большинство хозяйственных ям, выявленных на этом участке, не содержало находок производственного характера. Во всех типах сооружений присутствуют керамика, стеклянные и каменные бусы, украшения, бытовые изделия и предметы вооружения. Хорошо известно,

что средневековые ювелиры часто работали в жилых помещениях, а кузнечные горны располагались в открытых сооружениях под навесом внутри одной усадьбы (Рындина, 1963, с. 226).

Вторая зона концентрации находок, являющихся индикаторами ремесленной деятельности, расположена в юго-восточной части городища, её площадь составляет приблизительно 200 кв. м. Здесь обнаружено более 100 пластин, обрезков, фрагментов проволоки и заготовок из медных сплавов; 6 обломков литейных форм; 12 определимых кузнечных инструментов и 170 фрагментов плавильных сосудов. Некоторые из них использовались для плавки и очистки золота и серебра. Вероятно, в сферу деятельности ювелиров этой части поселения входила обработка драгоценных металлов. В последние годы, благодаря полной промывке культурного слоя, мы получаем новые свидетельства их использования в виде миниатюрных золотых слитков, проволоки и мелкого лома вышедших из употребления изделий.

Остатки производственных сооружений на этом участке представлены ямами, зафиксированными в культурном слое и на уровне материка. По форме они разделяются на подпрямоугольные или корытообразные, в некоторых частично сохранились очажки. На этом же участке прослежены остатки углублённого сооружения со столбовой конструкцией, вероятно, жилища. Из материковой ямы, являющейся нижней частью постройки, происходит скандинавская медная матрица для отливки гвоздиков-розеток и миниатюрный серебряный амулет в виде фигурки валькирии (Енисова, 1999, с. 74; Пушкина, 2001, с. 315). В верхних слоях этого же сооружения найдена каменная литейная форма для лунничного височного кольца нитранского типа. В комплексе ямы, расположенной по соседству, обнаружена связка амулетов из листового серебра, аббасидские дирхемы и обломок редкой серебряной трёхлистной фибулы ЯП94³. Основным периодом бытования украшения приходится на IX в., а верхняя хронологическая граница нитранских колец – середина X столетия. Однако преобладание круговой керамики в заполнении ям позволяет предположить, что ювелиры работали на этом участке поселения в середине – третьей четверти X в.

Помимо свидетельств, указывающих на деятельность ювелиров, при разборке ям обнаружено множество костей крупного рогатого скота и находки, документирующие косторезное производство, включая фрагменты опилённого лосиного рога, костяных пластин и заготовок для изготовления накладок на борных гребней (Пушкина, 1993а, с. 66–67).

Третий комплекс расположен на территории усадьбы, исследованной в восточной части сели-

ща, на левом берегу Свинца. Она занимает площадь чуть более 400 кв. м. Общее количество находок, связанных с ювелирным производством, невелико: 45 фрагментов тиглей, 8 железных инструментов, 30 пластин и обрезков проволоки. Они обнаружены в семи материковых ямах вместе с керамикой, украшениями и бытовыми предметами и орудиями труда, среди которых много грузил для вертикального ткацкого станка, пряслиц, а также отходов косторезного производства и кузнечных шлаков.

На этом участке зафиксирована ошутимая концентрация скандинавских амулетов – 23 экземпляра из 72, найденных на Центральном поселении. Вероятно, этот факт может свидетельствовать о ритуальной практике жителей усадьбы, однако наличие находок, связанных с различными этапами изготовления амулетов, говорит, скорее, о производстве медных, латунных и железных предметов, связанных с культом и магией в расположенной здесь мастерской (Енисова, 2009, с. 270–271, рис. 5–7). По соотношению лепной и круговой керамики (95 % – круговой, 5 % – лепной), находкам византийской медной монеты Романа I (931–944 гг.), тёмно-лиловых стеклянных щитковых перстней, рубленого бисера, жёлтых и полосатых лимонок заполнение ям можно отнести ко второй половине X – началу XI столетия.

Картину производственной деятельности дополняют две смолокурные ямы, выявленные в прибрежных зонах пойменной части селища – у оз. Бездонка и вблизи древнего русла Днепра (рис. 12).

Рис. 12. Смолокурная яма в прибрежной зоне Днепра (раскоп ДП-1)

³ ЯП – обозначение типов и вариантов по классификации Я. Петерсена (Pettersen, 1928); П – по И. Янссону (Jansson, 1984) и GBA – Г.-Б. Аагорд (Aagård, 1984).

Смола могла использоваться в разнообразных целях, в том числе для обработки лодок. Ямы для возгонки смолы или дѣгтя — археологически достаточно редко встречающиеся объекты. Синхронные аналогии исследованным смолокурным ямам Гнёздова известны лишь в Южной Руси: в Чернигове, Шестовице и на поселениях Автуничи и Лесковое под Черниговом (Казаков, Черненко, 2007; Коваленко, Моця, Сытый, 2003, с. 57, 59; Готун, 1999; Шекун, Веремейчик, 1999, с. 51).

Палинологические исследования показали, что во время активного функционирования Гнёздовского поселения происходило довольно быстрое сокращение лесов и постепенно увеличивались паводки, при этом в спектре возрастает доля индикаторов хозяйственной деятельности человека. Судя по данным спорово-пыльцевого анализа, важную роль в экономике поселения играли пастбищное хозяйство и возделывание культурных растений (Зазовская, Бронникова, 2001, с. 199).

Набор земледельческих культур, выявленных в материалах селища и городища, почти полностью совпадает с составом культур, известных по исследованиям многих памятников лесной зоны Восточной Европы второй половины I тыс. н. э. и близок перечню культур, известных ранее населению Смоленского Поднепровья. Но в материалах Гнёздова преобладают ячмень и пшеница, а в предшествующее время предпочтение отдавалось ячменю и просу (Кирынова, 1992, с. 72; Шмидт, 2003, с. 99, 100). Данные карпологиического анализа в значительной мере подтверждают данными спектра спорово-пыльцевого анализа, в котором зона существования поселения совпадает с зоной распространения пыльцы пшеницы, гречихи, конопли, некоторого количества пыльцы ржи, а также сорных растений и растений открытых ландшафтов и пастбищных угодий.

Два сошника, вложенные один в другой, найденные на территории пойменной части поселения в слое, датированном концом X — первой четвертью XI в., аналогичны обнаруженным в Новгороде. Парность орудий в обеих находках позволила авторам публикации гнёздовских сошников говорить о возможном использовании здесь двузубой сохи (Мурашѣва, Нефѣдов, 2002, с. 197).

Остеологическую коллекцию Гнёздова составил материал из раскопок как поселения, так и погребений. Среди рассмотренного материала из раскопок поселения преобладают кости крупного рогатого скота (от 46 до 69%). Кости лошади составляют от 5 до 10% изученного материала. Вероятно, эти животные в основном использовались в хозяйстве в качестве тягловой силы, наряду с крупным рогатым скотом. Значительную часть стада домашних животных, разводимых в Гнёздове, составляли свиньи и мелкий рогатый скот — от 20 до 46% и от 5 до 24%, соответственно. Основная часть остеологических находок

является кухонными отходами, при этом отмечено преобладание костей животных, забитых в молодом возрасте (Кириллова, 2007, с. 127–129).

Характеристика вещевого комплекса по материалам курганов, поселения и кладов

Огромную коллекцию находок, найденных при раскопках поселения и курганов Гнёздова, составляют более 20 000 различных предметов — украшений, предметов вооружения и быта, инструментов и т.д., выполненных из железа, медных и легкоплавких сплавов, благородных металлов, камня, глины, рога и стекла. Многие из них были изготовлены на месте, часть привезена издалека. Остановимся на характеристике некоторых групп находок.

Морфология и декор *украшений*, представленных в Гнёздове, находят близкие параллели в материалах Северо-Запада и Северо-Востока Древней Руси, Скандинавии, Центральной Европы, Волжской Болгарии, Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья. Более редкими являются изделия, характерные для прибалтийских, финских и позднехазарских древностей.

Среди них можно выделить типы вещей, получивших распространение на очень широкой территории: усатые и широкосрединные перстни, грибовидные пуговицы, крестопрорезные бубенчики, спиралеконечные подковообразные фибулы, проволочные височные кольца. Для X–XI столетий многие из этих изделий являются «этнически нейтральными». Однако большая часть украшений «этнически окрашена» и отражает сложный состав населения Гнёздова.

Скандинавская группа украшений объединяет такие типы изделий, как браслеты ладьевидные и проволочные с завязанными концами; проволочные подковообразные фибулы и экземпляры с пирамидальными, многогранными головками; овальные, круглые, равноплечие, дуговидные, трёхлистные и кольцевидные фибулы; литые круглые подвески с зооморфным и ложнофилигранным орнаментом; подвески-амулеты и принадлежности ременной гарнитуры (рис. 13). Таким образом, в рамках скандинавской ювелирной традиции могут рассматриваться более 500 украшений различных типов.

Одна из наиболее представительных групп северо-европейского происхождения — рельефные фибулы-застежки (156 экземпляров). В Гнёздове найдены экземпляры украшений самых массовых типов эпохи викингов: ЯП37, ЯП51, ЯП52/55, ЯП58, ЯП70–73, ЯП116–117, ЯП128, ЯП131, ЯП227 и ЯП237. Вместе с тем в коллекции памятника есть довольно редкие группы изделий, отсутствующие или редко встречающиеся в других пунктах на карте Восточной Европы:

Рис. 13. Скандинавская группа украшений: 1 – овальная фибула ЯП51 (клад 1867 г., ОИПК ГЭ № 994/94); 2 – трилистная фибула ЯП97 (случайная находка, ГИМ); 3 – круглая фибула типа Терслев, выполненная в технике зерни и скани (Гн-76, ЦГ-198:81, МГУ); 4 – круглая подвеска ЯП155 (клад 1993 г., ГИМ 2683/19); 5 – связка амулетов (Гн-84, ЦГ-ХVI:36, МГУ); 6 – круглая подвеска ЯП159 (ГЭ, ОАВЕС № 994/58); 7 – золотая подвеска типа Терслев (Гн-08, ЦГ – XXVI:26, МГУ); 8 – амулет в виде колеса (Гн-2011, ЦГ-XXVI:2846, МГУ); 9 – амулет в виде плоской женской фигурки (Фрейя /в алькирия), (Гн-2002, случайная находка на Восточном селище, МГУ)

фибулы из драгоценных металлов, изготовленные в сканно-зернёной или сборной технике; маленькие круглые ППС, равноплечие ЯП60 и GBAIVB:1.

Распространение многих типов фибул связано с определёнными районами Скандинавии: Оландом, Восточной и Центральной Швецией и, в особенности, с Биркой, где, судя по находкам литейных форм, находился центр производства некоторых групп украшений, аналогичных гнёздовским.

Находки литейных форм для овальных, круглых и трёхлистных типов фибул, а также бракованных и незаконченных отливок на различных участках Центрального поселения документируют производство какой-то их части в Гнёздове. Нет никаких данных, позволяющих говорить о создании местных типов, а также об упрощении или деградации техники производства. Фибулы отливались в литейные формы, идентичные скандинавским изложницам по конструкции и составу теста. Среди них встречаются образцы разного качества, но это характерно и для основной территории производства и распространения фибул (Ениосова, 2001 а, с. 83–92).

Значительную часть изделий скандинавского происхождения составляют литые подвески. Из них 34 экземпляра с зооморфным орнаментом представлены 9 типами; 7 подвесок имитируют сканно-зернёные украшения с орнаментом в виде волкут; 2 — с изображением птицы у древа жизни. Появление, распространение и, вероятно, производство этих украшений в Гнёздове относится ко второй половине X — началу XI в. (Дементьева, 2007, с. 233–234).

Гнёздово занимает особое место по числу обнаруженных золотых, серебряных, бронзовых и железных предметов, связанных с кульгом и магией и предназначенных для персонального ношения. Отсюда происходят почти 140 находок: железные гривны с молоточками Тора (65); миниатюрные шиты (18); гривна и амулеты в форме кресал различного размера (26); амулеты в виде серпов (5); антропоморфные изображения (5) и наборы, соединяющие миниатюрные изображения (20). Это число сопоставимо с размерами всей выборки по Дании и Шлезвигу, насчитывающей 161 экземпляр. Среди гнёздовских амулетов есть экземпляры, полностью совпадающие со скандинавскими аналогиями, но морфологические и технологические особенности значительной части находок указывают на местные особенности их производства. Некоторые амулеты, выполненные из дешёвого материала, предназначались для рядовых скандинавов, живших в Верхнем Поднепровье (Новикова, 1991, с. 175–199; Ениосова, 2009, с. 255–275).

Гнёздовская коллекция ремённой гарнитуры насчитывает более 900 экземпляров декоративных поясных и уздечных накладок, существенную её часть (около 20%) составляют предметы, украшенные декором, выполненный в различных стилях северного искусства эпохи викингов. Вероятнее всего,

большинство накладок скандинавского происхождения являлись украшением парадной конской узды — во всяком случае, ни одного достоверного случая использования их в качестве поясных украшений не зафиксировано. Прямых доказательств производства скандинавских ремённых принадлежностей в Гнёздове нет. Вместе с тем, значительная концентрация накладок северного облика в материалах некрополя и поселения, а также находки, свидетельствующие о деятельности скандинавских ювелиров, убеждают в том, что среди изделий гнёздовских мастеров могли быть и ремённые украшения. Большая же часть ремённых украшений Гнёздова (более 50%) связана с волжско-болгарской ремённой традицией (Мурашѐва, 2000), что вполне естественно, учитывая «восточное» (в широком смысле) происхождение моды на наборные пояса. Следует отметить, что в пойменной мастерской обнаружены свидетельства местного изготовления бляшек волжско-болгарской традиции (Мурашѐва и др., 2007, с. 67).

Из Гнёздова происходит представительная группа украшений, характерных для памятников ареала смоленско-полоцких длинных курганов. Это — пластинчатые височные кольца; составные части головных венчиков («вайнаги»): пронизки-спирали и обоймицы-разделители; трапециевидные, ромбовидные, биевовидные и трёхдырчатые подвески — приблизительно 60 изделий (рис. 14). Подавляющее большинство находок обнаружено на различных участках поселения: в культурном слое Центрального городища, Западного, Восточного и Пойменного селищ. Украшения культуры смоленских длинных курганов встречены трижды в гнёздовских погребениях: трапециевидные подвески (Ц-2 и Лб-1) и обрывки спирального головного венчика. Однако захоронений носителей культуры смоленских длинных курганов в Гнёздове не обнаружено (Авдусин, 1991, с. 16–17; Жарнов, 1992, с. 9–10). Находки в производственном комплексе западной части селища документируют изготовление принадлежностей женского убора кривичей в Гнёздове и могут служить свидетельством в пользу их проживания в единственном раннегородском центре Верхнего Поднепровья. Следует отметить, что достоверные следы производства украшений, характерных для смоленско-полоцких длинных курганов, обнаружены только в Гнёздове и Городке на Ловати (Горюнова, 1978, с. 144).

Небольшая группа украшений имеет прямые параллели в позднеморавских древностях. Она объединяет трёхрогую лунницу и восемь височных колец — лунничные нитранского типа и гроздевидные, выполненные в технике зерни и скани или с помощью пайки из проволоки и бусин, полученных литём и тиснением (рис. 15: 3, 4, 9–11). На позднем этапе существования Великой Моравии сложные техники (филигрань, тиснение, чеканка и гравировка) были постепенно вытеснены более простой —

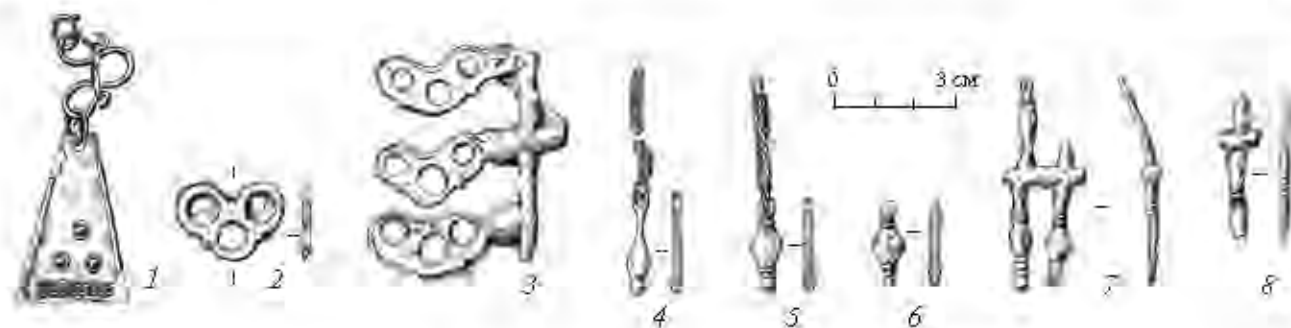

Рис. 14. Украшения культуры смоленских длинных курганов из раскопок Гнёздовского поселения: 1 – трапециевидная подвеска (Гн-78, ЦГ-ХП:45, МГУ); 2 – трёхколычатый цепедержатель (Гн-72, ГС:93, МГУ); 3 – бракованная отливка – литок с цепедержателями (Гн-68, ЗС, ОИПК ГЭ №5859); 4 – ромбовидная подвеска (Гн-85, ЦГ-ХVII:28, МГУ); 5 – ромбовидная подвеска (Гн-95, ВС-10:177, МГУ); 6 – ромбовидная подвеска (Гн-52, ЦГ-П:58, МГУ); 7, 8 – бракованные отливки – литки с ромбовидными подвесками (Гн-67, ЗС, ОИПК ГЭ №3927)

литьём в разбёмные формы. Сравнение с изделиями предшествующего блатнишко-микульчицкого стиля показывает деградацию качества изделий (Хроповский, 1993, с. 62–63). Височные кольца нитранского типа и лунница из Гнёздова со смазанной ложной зернью, нечёткими контурами орнамента и литейными швами – выразительные примеры упрощения техники изготовления и замены серебра на медные сплавы. Факт производства украшений нитранского типа в Гнёздове документируется находкой литейной формы из производственного комплекса в юго-восточной части городища.

В гнёздовской коллекции украшений представлены также височные кольца или серьги славян Днепровского Левобережья и Верхнего Подонья (рис. 15: 5, 7, 8). Самым ранним из них является серебряный литой экземпляр, относящийся к типу Фативижского клада. Он имеет довольно узкий круг аналогий среди роменских древностей второй половины VIII–IX в. (Комар, Стрельник, 2011, с. 154–156, рис. 5: 6–9). Ещё пять подвесок головного убора относятся к группе лучевых. Три из них – литые подвески с пятью и семью лучами и имитацией зерни. Два кольца принадлежат к украшениям супружеского типа, в орнаменте которых сочетаются семь лучей с псевдозернью и зооморфное изображение – сопоставленные птицы. Лучевые височные кольца имеют близкие параллели в ареале роменской культуры IX – первой половины X в. (Григорьев, 2005, с. 88–95, рис. 38: 5–14). Пять из шести височных колец найдены на территории Центрального поселения – в западной части селища, юго-западной части городища и пойме. Семилучевое кольцо, обнаруженное на западном участке селища в постройке, связанной с ювелирным производством, нельзя с уверенностью отнести к местным изделиям: оно могло быть предназначено для переплавки. Таким образом, оснований для утверждения, что в Гнёздо-

ве производились украшения роменцев, пока нет. Фрагмент лучевого кольца супружеского типа происходит из женского погребения, раскопанного В. И. Сизовым в Центральной группе. Монеты в сочетании с набором бус позволяют датировать комплекс первой половиной X в. (Равдина, 1988, с. 42).

Значительную часть гнёздовских древностей составляют изделия из чёрного металла: предметы вооружения и быта, орудия труда и инструменты. С помощью металлографии изучена обширная выборка изделий хорошего качества (190 проб), представленная 28 категориями из раскопок курганов и поселения. На основе комплексного типологического и технологического анализа установлено, что в обработке гнёздовского чёрного металла представлены две производственные традиции: славянская и скандинавская.

Славянская объединяет цельножелезные и цельносталльные предметы, изготовленные с использованием приёмов цементации и технологии наварки. К этой группе относятся ножи, кресала, ножницы, резцы, боевые и рабочие топоры. Изделия, выполненные в славянской кузнечной традиции, составляют 42% исследованной продукции.

Для скандинавской производственной традиции характерна сварка из трёх или пяти полос, а также сварка стального лезвия. В рамках скандинавской кузнечной технологии изготовлены бытовые ножи, косы, ножницы, гарпун и некоторые категории оружия – наконечники копий и стрел, скрамасакс и топор. Часть гнёздовских изделий этого круга – продукция местных мастерских, о чём свидетельствуют находки заготовок и кузнечного брака. На протяжении всего X в. скандинавская традиция железообрабатывающего ремесла Гнёздова была доминирующей. К ней принадлежит 58% исследованных предметов. По уровню технологических решений изделия, представленные в гнёздовской выборке,

Рис. 15. Височные кольца из раскопок Гнездовского поселения:

- 1, 2 – гроздевидные кольца волынского типа (клад 1993 г., ГИМ 2683/3; Гн-2006, ЦГ- XXV, МГУ);
 3, 4 – гроздевидные кольца нитранского типа (Гн-70, ГС-III, ГИМ 2538/83; Гн-88, ВС-10: 20, МГУ);
 5 – гроздевидное кольцо типа Фативижского клада (Гн-79, ЦГ-ХIII: 205, МГУ);
 6 – трёхбусинное кольцо (Гн-81, Ц-292: 203, МГУ);
 7, 8 – пятилучевые кольца (Гн-2011, ЦГ-XXVI: 2661, МГУ; Гн-70, ГС-III, ГИМ 2538/1110);
 9–11 – лунничные кольца нитранского типа (Гн-75: 310, случайная находка на поселении, МГУ; Гн-81, ЦГ-ХV: 946, 575, МГУ)

Рис. 16. Предметы вооружения: 1, 2 – рукояти мечей (Гн-50, Ц-2, СОМ; Куш., -1874, курган 15, ГИМ); 3, 4 – наконечники ножен мечей (Гн-70, ГС-III, ГИМ; Гн-50, ЦГ-IV, МГУ); 5, 6 – топоры (Гн-84, Дн-4, МГУ; из разрушенного кургана, ГИМ); 7–11 – наконечники стрел (Гн-49, К-33; Гн-50, Л-73, Л-44; Гн-52, Л-80, СОМ); 12, 13 – наконечники копий (из разрушенного кургана; Куш., -1874, курган 15, ГИМ)

соответствуют продукции, выпускаемой специализированными высокоорганизованными мастерскими торгово-ремесленных центров Северной Европы (Розанова, Пушкина, 2001, с. 77–82).

Предметы вооружения (рис. 16). Можно полагать, что многие из предметов вооружения были изготовлены местными ремесленниками, в первую очередь, это касается наконечников стрел. Они составляют до 80% коллекции вооружения с территории поселения, причём большинство из них найдены на городище. В целом набор наконечников стрел из курганов и поселений не отличаются один от другого, хотя двушипные чаще встречаются на поселении, чем в курганах. Решительно преобладают среди найденных наконечники ланцетовидной формы в разных их вариантах, наиболее характерных для скандинавских памятников IX–XI вв., второе место по числу находок принадлежит наконечникам ромбовидной формы так называемого гнёздовского типа (Каинов, 1998, с. 61). Кроме наконечников стрел, на территории поселения найдены обломки нескольких каролингских мечей и несколько наконечников ножен, несколько наконечников копий, сулица, втоки, топоры. Особенно выразительна группа находок прорезных наконечников ножен мечей, отличающаяся разнообразием приёмов декорирования, – часть этих наконечников могла быть изготовлена в местной мастерской (Каинов, 2007; Енисова, 1994, с. 109).

Керамический комплекс Гнёздовского поселения и курганов представлен лепными и раннекруговыми сосудами в форме горшков и мисок (рис. 17). Приёмы изготовления и орнаментации, форма лепных сосудов находят аналогии в материалах Новосёлок и Рокота, а также некоторых погребальных памятников смешанного славяно-балтского населения культуры смоленских длинных курганов и славян лесостепного Днепровского Левобережья, что подтверждает заключение о неоднородном составе населения, сделанное на основе анализа погребального обряда и вещевых находок. Лепная посуда в своей массе является более ранней, чем круговая, но сосуществует с последней в течение довольно длительного времени. Различия в формах сосудов, которые служили бытовой посудой и погребальными урнами, нет. В погребениях с кремацией лепные сосуды встречаются немного чаще круговых, но они ни разу не были использованы при совершении погребений по обряду труположения. В культурном слое поселения лепная керамика, как правило, встречена вместе с круговой, однако в нескольких ямах была обнаружена только она.

Круговая посуда появляется в Гнёздове, вероятно, не ранее второй трети X в. (Каменецакая, 1977, с. 27), причём среди неё не удаётся проследить переходные формы от местной лепной керамики. Отмечаются индивидуальные особенности в изготовлении наиболее ранних из круговых сосудов, а в некоторых случаях

Рис. 17. Круговые сосуды из раскопок курганов (ГИМ 42536, оп. 1537; ГИМ 78607, оп. 1802).
Фото С. А. Андусиной и А. М. Красниковой

и неустойчивость навыков такой работы (Шарганова, 2011). Наиболее ранние сосуды, изготовленные на гончарном круге, близки славянской посуде Центральной Европы. Формы и орнаментация сосудов, которые можно отнести ко второй половине – концу X в., аналогичны найденным на территории Поморья. Обе эти группы сосудов очень немногочисленны. Более заметно появление круговых сосудов, относящихся к типам, широко распространённым в Среднем Поднепровье в середине X в. Они составляют значительную часть керамической коллекции поселения, но в курганах представлены небольшим числом находок.

Монеты и клады

Активное участие населения Гнёздова в торговой деятельности подтверждают находки торгового инвентаря, монет и кладов. Бронзовые, железные и свинцовые гири различных форм и веса и значительное число восточных, византийских и западноевропейских монет происходят из культурного слоя Гнёздовского поселения и курганов. Достаточно сказать, что 14 целых комплектов весов из 15, найденных в пределах Смоленской земли, происходят из Гнёздовских курганов. За пределами Гнёздова единичные находки деталей весов или гирек происходят из Новосёлок и Рокота, близких по характеру Гнёздову памятников, и нескольких сельских памятников – Слободы, Сукромли, Лопина и Арефина (Пушкина, 1991, с. 226–244). Немногочисленные восточные и единичные византийские монеты также найдены в Новосёлках и Рокоте, а фрагмент аббасидского дирхема – в одном из курганов группы Городок на р. Вопи (Нефёдов, 2001, с. 157; 2004, с. 178).

На территории Гнёздова, не считая кладов, найдено 429 монет, выпущенных с VI по XI вв.⁴ Определённо о месте и обстоятельствах находки мы можем судить применительно к 409 монетам, об остальных известно только, что они происходят с территории Гнёздова. В культурных слоях поселения при раскопках и случайно найдено около 75% монет – все они имеют топографическую привязку; из курганов происходят остальные 25%.

Дирхемы и подражания, вышедшие с монетных дворов Востока, составляют 90% нумизматической коллекции; чуть более 9% принадлежат монетам византийского происхождения; менее 0,5% приходится на долю западноевропейских (табл. 1).

Набор *восточных монет* достаточно разнообразен с разных точек зрения – мы можем судить об этом, располагая данными о династиях правителей и времени чеканки 236 определимых монет (табл. 2). Самые ранние из найденных на поселении восточных монет – это обрезанная в кружок монета, отчеканенная во время правления Хормизда IV (579–590), и обломок сасанидской драхмы Хосрова II (590–628). Самыми поздними из находок можно считать два дирхема 960-х гг. происходящих с городища и пойменной части селища.

Среди находок из курганов самыми старшими являются омейядский дирхем 718/719 г. и отчеканенная в 779/780 г. монета Аббасидов – обе монеты

⁴ На самом деле число находок оказывается более значительным в связи с размахом «кладоискательства»: по неофициальным данным, только за последние годы здесь найдены несколько десятков отдельных восточных монет и, как минимум, три клада, разошедшиеся по частным коллекциям. Здесь мы используем сведения, содержащиеся в научных и газетных публикациях, а также архивные материалы археологических экспедиций ГИМ и МГУ за последние годы.

Таблица 1

Находки монет в Гнёздове

Монеты	Место находки			Всего
	Поселение	Курганы	Неизвестно	
восточные (включая подражания)	279 48+(3)+214ф+14?	90 23+(11)+56ф	18 5+(3)+10ф	387 76+(17)+280ф+14?
византийские	28 22+(6)	10 4+(6)	2 1+(1)	40 27+(13)
западноевропейские денарии	1 (1)	1 (1)	–	2 (2)
Всего	308 70+(10)+214ф+14?	101 27+(18)+56ф	20 6+(4)+10ф	429 103+(32)+280ф+14?

Примечания: (-) – монеты подвески; ф – фрагменты, (?) – сохранность неизвестна.

Таблица 2

Династический и хронологический состав находок восточных монет в Гнѝздове

Династия	Век	Поселение	Курганы	Неизвестно	Всего
Сасаниды и Пост-Сасаниды	VI–VII	3	–	–	3
Омейяды	VIII	7	1	–	8
Испахбегиды	VIII	3	–	–	3
губернаторы Тудги	VIII	1	–	–	1
Тахириды	IX	1	–	–	1
Аббасиды	конец VIII – начало X	76	15	1	92
Саманиды	X	54	49	6	109
Бувейхиды	X	1	–	–	1
Зияриды	X	–	1	–	1
подражания	X	12	4	1	17
Всего		158	70	8	236

превращены в подвески. Самой младшей монетой оказывается обломок зияридского дирхема, выпущенного в 971 г. (Пушкина, 1999, с. 406).

По последним подсѝтам, в Гнѝздове найдено 40 монет византийской чеканки (табл. 1). Двадцать восемь из них происходят с территории поселения, наиболее ранняя – фоллис Юстина I (518–527), выпущенный в Херсоне, – обнаружена в яме второй четверти X в. на «производственном» участке в пойме Днепра (Мурашѐва и др., 2010, с. 513–514, рис. 1: 1, 2). Самая поздняя относится к анонимному чекану последней четверти X – первой четверти XI в. – это фоллис эпохи правления Василия II и Константина VIII (976–1025).

Самые ранние византийские монеты из гнѝздовских погребений относятся к правлению Василия I (869–886) и Льва VI (886–912). Наиболее поздние монеты – это милиарисии Константина Багрянородного (931–959). В Гнѝздовских курганах найдены три серебряные и две медные монеты, принадлежащие Льву VI, а также милиарисий императоров Василия I и Константина VII и золотая монета императора Феофила (829–842). Самая поздняя монета из гнѝздовских погребальных комплексов – фоллис-подвеска Романа I Лакапина (931–944) (Равдина, 1988, с. 41–47, 72–74). Одиннадцать мо-

нет были выпущены в Константинополе и Херсоне в IX в., пять из них относятся ко времени правления Феофила (829–842). Монеты IX–X вв. найдены как в погребениях, так и на разных участках поселений. Среди них доминируют фоллисы, относящиеся к интервалу между 908 и 959 гг. В целом три четверти медных монет происходят из культурного слоя Центрального городища и селищ. Приблизительно треть общего числа медных монет и все экземпляры из драгоценных металлов переделаны в подвески. Они встречены в погребениях (6), на поселениях (6) и в кладе 1940 г. (2). Из девяти серебряных и золотых монет-подвесок только одна (милиарисий Льва VI) обнаружена в слое поселения.

Западноевропейские монеты представлены в нумизматических материалах Гнѝздова двумя экземплярами. Единственный найденный в курганах денарий датируется временем правления западно-карolingского короля и императора Карла Лысого (875–877). Вторая монета, выпущенная в Эрфурте архиепископом Майнца Бардо (1031–1051), найдена при раскопках в юго-западной части Центрального городища. Обе монеты превращены в подвески.

Приблизительно четверть находок происходит из погребений – 100 монет из 52 курганов. В погребениях по обряду кремации их практически в два

Клады Гнёздова

Датировка (т.р.г.)	Категория	Монеты/ фрагменты	Другие предметы	Год, место и обстоятельства находки
924/925	денежный	123/8	—	1966, случайно, 1975, раскопки, северная часть селища
936/937	денежный	13	—	1973, раскопки Восточное селище
935–937	денежный	118/85	—	2010, раскопки Днепровская курганная группа
945/946	производственный	0/6	гирьки, весы, серебря- ная проволока	2001-а, раскопки Восточное селище
948/949?	денежно-вещевой?	64?	украшения?	1870, случайно Восточное селище
952	денежно-вещевой	72/3	украшения, гирьки, стеклянные и каменные бусы, железный нож	1993, раскопки Восточное селище
953/954	денежно-вещевой	48/22	украшения	2001-б, случайно Восточное селище
953/954	денежно-вещевой	781	украшения, стеклянная пашка	1909, случайно Западное селище
960/961	денежно-вещевой	154	украшения	1885, случайно поселение (?)
953/954?	денежно-вещевой	12?	украшения	1867, случайно Восточное селище
950-е гг.	денежно-вещевой	0/5	украшения	2007, раскопки Центральное городище
не ранее середины X в.	вещевой	2	украшения, ложка из слоновой кости	1940, раскопки Центральное городище

раза больше, чем в ингумациях (34 против 18). Находки монет одинаково характерны для мужских и женских погребений, однако в первом случае чаще встречаются целые монеты или их обломки, а во втором – монеты, превращённые в подвески. В украшениях переделывали дирхемы, денарии, фоллисы, номисмы и милиарисии. Как правило, ожерелье из бус дополняли одной монетой-подвеской, однако известны женские погребения и с двумя украшениями⁵. В пяти погребениях найдено от 4 до 11 вос-

⁵ В одном из погребений Лесной группы в подвески превращены омейядский дирхем (718/719 г) и каролингский денарий императора Карла Лысого (875–877). Ранее эта монета датировалась XI в., что оказалось неверным (см.: Пушкина, Стукалова, 2011, с. 96–100). В другом кургане в качестве подвесок были использованы саманидский дирхем 905/906 г и серебряная монета императора Льва Мудрого.

точных монет в виде обломков, что, несомненно, олицетворяет некий «капитал»⁶. Именно так охарактеризовал находку из 9 слипшихся в огне погребального костра дирхемов X в. один из первых исследователей Гнёздовских курганов (Сизов, 1902, с. 120).

Значительное число находок дирхемов и их обломков, происходящих из культурного слоя поселения и курганов, указывает на активное использование населением Гнёздова восточной монеты. При этом монеты, превращённые в украшения,

⁶ В богатом скандинавском парном сожжении кургана Лб-1 (Левобережная группа) в разных частях кострища найдены 11 аббасидских монет. В детском погребении Днепровской группы (Дн-51), совершённом в небольшой могильной яме, под футляр со складными весами были аккуратно сложены 13 мелких обрезков серебряных монет.

оставляют чуть более 4% общего числа находок, тогда как 73% – это фрагменты. Обломки составляют почти 77% восточных монет, найденных на территории городища и в разных частях селища. Они преобладают также и в погребениях (табл. 1). Обилие фрагментированных монет в сочетании с находками весов и гирек в слое поселения, по мнению некоторых исследователей, указывает на высокий уровень развития экономики. Напротив, преобладание в нумизматическом материале монет-подвесок, скорее, говорит о слабой вовлечённости населения в торговые и обменные операции (Blackburn, 2007, p. 63–67; Hårdh, 1996, S. 86). Дирхемы, разрезанные на половины, четверти и более мелкие фракции, свидетельствуют, что различные группы гнёздовского населения активно использовали серебро как средство платежа в повседневной жизни, взвешивая драгоценный металл на точных складных весах. Кроме того, арабские монеты были основным источником сырья местных ювелиров. Небольшая группа монет, выпущенных в Сасанидском Иране, Византии и Западной Европе, не играла никакой роли в экономике раннегородского центра Гнёздово.

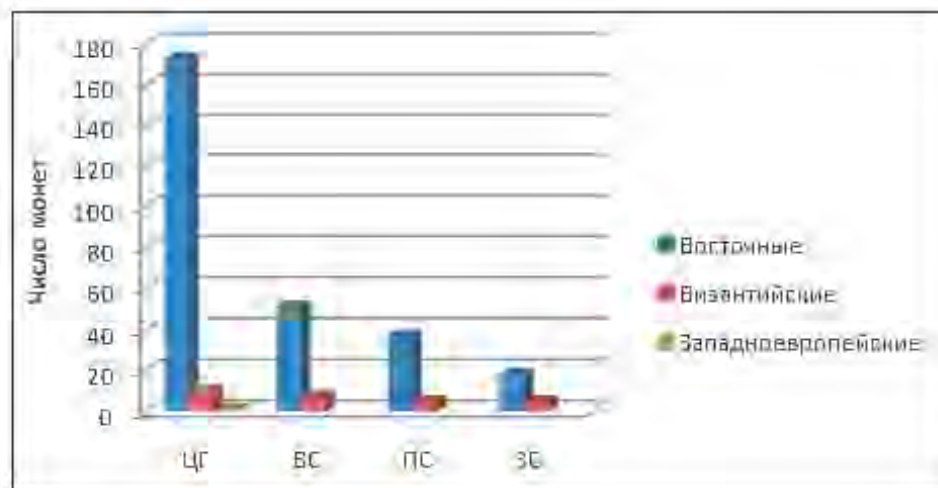
Монетные находки на территории Гнёздовского поселения распределяются неравномерно, хотя и встречены практически на всей его площади (рис. 18). Совершенно очевидно, что их большая часть связана с площадкой Центрального городища (60%), значительное число монет происходит с тер-

ритории восточного и пойменного участков селища. Самая незначительная часть выборки обнаружена на Западном селище. Следует подчеркнуть, что размеры исследованных площадей вполне сопоставимы.

Неравномерность в распределении монет может быть связана с различным характером использования и динамикой освоения разных участков поселения. Нельзя не заметить также рост числа монетных находок в последнее десятилетие раскопок в Гнёздове благодаря полной промывке культурного слоя.

С территории Гнёздова происходит 12 кладов, открытых в процессе раскопок и случайно (рис. 1) (Корзухина, 1954, с. 87–89; Пушкина, 1996а; 1999; 2009; Зозуля, Каинов, Фомин, 2011, с. 35–36). В составе кладов более 1400 серебряных восточных монет (целые, в обломках, с пробитыми отверстиями или приклепанными ушками) и две византийские номисмы, превращённые в подвески, а также различные предметы, преимущественно украшения (табл. 3).

Значительная часть восточных монет из находок второй половины XIX – начала XX в., в первую очередь фрагменты, была переплавлена. Однако примерно для 60% монет из этих комплексов можно указать династии, монетные дворы и даты чеканки. Среди монет абсолютно преобладают саманидские дирхемы, чеканенные в Самарканде, аш-Шаше, Мадинат ас-Саламе, Андерабе в 20–50-е гг. X в. Небольшую часть составляют монеты Аббасидов и Буейхидов, а также болгарские подражания арабским

Раскопанная площадь:
 Центральное городище (ЦГ) – 2489 кв. м;
 Восточное селище (ВС) – 1668 кв. м;
 Пойменное селище (ПС) – 750 кв. м;
 Западное селище (ЗС) – 1719 кв. м

Рис. 18. Распределение находок монет на территории Центрального поселения.

монетам. Обе золотые византийские монеты выпущены в Константинополе при императоре Александре (912–913). Монетная часть древнерусских кладов IX–X вв. либо целиком состоит из восточных монет, либо содержит значительную долю дирхемов. Относительно небольшое количество милиарисиев и фоллисов найдено в составе кладов, сокрытых в Европейской части России, на Украине, в Белоруссии и Прибалтике в конце IX – первой половине XI в. Золотые греческие монеты встречаются в кладах исключительно редко и только на юге Руси (Кропоткин, 1962, с. 16–18).

Украшения, образующие вещевую часть семи кладов, представляют парадный убор древнерусской знати середины X – первой половины XI в. В их числе 190 предметов из серебра и золота. По морфологическим, стилистическим и технологическим признакам среди них отчётливо выделяются украшения славянского, скандинавского и восточного происхождения. Небольшая часть предметов имеет следы ремонта, но среди этой группы находок нет фрагментов – «рубленного» серебра. Среди прочих древнерусских кладов того же периода гнёздовские клады отличаются относительно большим числом стеклянных и каменных бус – здесь их оказалось более 320 экземпляров.

Наиболее изысканные украшения, относящиеся к женскому убору, выполнены в технике зерни и скани. Среди славянских изделий – височные кольца волинского типа (6), лунницы (22), круглые полусферические подвески (6), пуговицы (16), бусины (60) и подвеска-«капторга». Среди украшений скандинавского происхождения – массивные кованые и витые гривны (6); браслеты и перстни с завязанными концами (10); круглые литые фибулы с накладными фигурками животных и фибула типа Терслев (3); литые подвески с орнаментом в стилях Борре и Еллинг (20); круглые подвески из листового серебра со сканно-зернёным орнаментом в виде геральдической птицы, волют, спиралей, вихревых розеток (23); уникальные подвески в виде мужской маски и объёмной женской фигурки, а также бусины (11).

Особую группу находок составляют весовые гирьки. Они найдены в двух кладах (табл. 3). В кладе 1993 г. было 14 разновесов, в кладе 2001 г. – не менее пяти. В кладах весовые гирьки или сами весы встречаются исключительно редко. Такие находки известны на Севере Руси: среди монет Подборовского клада конца X в. и первого Неревского клада 70-х гг. X в. (Янин, 1956 а, с. 77; Янина, 1956, с. 181, 207). Немногочисленные примеры можно указать в материалах южной Скандинавии (Пушкина, 2009, с. 529).

Гнёздовские клады, время выпадения которых традиционно определяется датой младшей монеты, образуют две относительно компактные хронологические группы с разными характеристиками состава (табл. 3).

В первую группу вошли три клада, состоявшие только из восточных монет и их обломков, которые следует охарактеризовать как денежные. Время выпадения этих кладов определяется концом 20-х – концом 30-х гг. X в. (табл. 3: клады 1975, 1973, 2010 гг.). Состав этих кладов хронологически очень компактен, что свидетельствует об их быстром формировании.

Вторую группу образуют девять кладов, состав которых имеет смешанный характер. Кроме монет и их обломков, в них входят украшения, стеклянные и каменные бусы, а также гирьки. Время выпадения семи из этих комплексов – вторая половина 40-х – начало 60-х гг. X в. (табл. 3: клады 2001 а, 1870, 2007, 2001 б, 1993, 1909, 1885 гг.). Ещё две находки, входящие в эту группу, можно датировать менее определённо – временем не ранее середины X в. или даже его третьей четвертью – это комплекс 1940 г. и клад 1867 г. Эти два клада, состоящие преимущественно из позолоченных серебряных (1867 г.) и золотых и серебряных украшений (1940 г.), вполне соответствуют понятию «сокровище», воплотив в себе символ богатства и престижа его владельцев. Г. Ф. Корзухина считала, что клад 1867 г. мог принадлежать богатому дружиннику или боярину, связанному с княжеским двором (Корзухина, 1954, с. 48).

Пять кладов (1870, 1885, 1993, 2001 и 2007 гг.) сохранили женские украшения. Сочетания этих предметов соответствуют 2–3 полным комплектам женского убора. Единственное исключение – это клад, найденный в 2007 г. на городище, в наборе украшений которого два перстня и височное кольцо.

Как отмечала Г. Ф. Корзухина, многие комплексы «складывались в результате систематического пополнения убора рядом его владельцев, наследовавших фамильные ценности» (Корзухина, 1954, с. 15). Этот путь формирования мог бы объяснить, например, потёртость и следы ремонта на некоторых височных кольцах клада 1993 г. или незначительные повреждения отдельных подвесок клада 1867 г. Но ни один из этих смешанных кладов невозможно считать кладом длительного накопления. Во-первых, из-за практически одинаковых типологических характеристик составивших их украшений; во-вторых, из-за компактности династического и хронологического состава монетных частей. Восемь кладов из числа смешанных можно охарактеризовать как денежно-вещевые.

К числу производственных кладов относится клад 2001 г. (табл. 3: клад 2001а). В его состав входят весы, гирьки, обломки монет и моток серебряной проволоки – запас сырья и инвентарь для его взвешивания, возможно, принадлежавшие мастеру-ювелиру (Пушкина, 2009, с. 526–530, рис. 1). Эта находка логично дополняет картину активной жизни древнего Гнёздова – единственного развитого в экономическом отношении пункта Верхнего Поднепровья периода викингов.

Дирхемы поступали на рынки Восточной Европы относительно компактными массами. Резкое увеличение ввоза восточной монеты на территорию Восточной Европы с 910 г., достигшее максимума к 950 г., обеспечило преобладание в денежном обращении саманидских дирхемов первой трети X в. (Янин, 1956 а, с. 121–122, 133; Noonan, 1992, р. 243 и далее). Монеты поступали в район Гнёздова довольно регулярно, начиная с первого десятилетия и до начала 70-х гг. X в. Сравнение погодного чекана монет внутри каждого гнёздовского клада, условной даты его выпадения и анализ отдельных монетных находок с поселения и из погребений позволяют проследить динамику поступления восточного серебра и наметить группы денежной массы, которые, вероятно, были дважды изъяты из обращения. Монеты, выпущенные на монетных дворах Саманидов в первой трети X в., присутствуют практически во всех кладах и составляют около 53 % найденных на поселении. Значительная часть этих монет определяет состав трёх кладов конца 20-х – конца 30-х гг. X в. и свидетельствует о первом изъятии. Незначительный процент найденных на поселении монет второй трети X в. и их практическое отсутствие в погребениях объясняются концентрацией монет этого времени в семи кладах конца 40-х – начала 60-х гг. X в.

Обращает на себя внимание топография находок монетных кладов IX–X вв. на территории Смоленской земли. Все клады IX в. обнаружены на окраинных территориях, расположенных в бассейнах Верхней Волги или Западной Двины. Распределение кладов в общих чертах соотносится с пунктами единичных находок вещей североевропейского происхождения (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 485–509). Клады этого времени с территории бассейна Смоленского течения Днепра неизвестны, тогда как из 19 кладов X в. двенадцать происходят из Гнёздова и два – из его ближайшей округи (монетные клады 960-х гг. на Дубровенке и клад X в. из Боровой). Топография находок восточного монетного серебра, а также скандинавских древностей показывает, что в середине X в. происходит их концентрация в центральном районе Смоленской земли – в Гнёздове и его ближайшей округе (Новосёлки и Рокот).

Среди находок Гнёздовского археологического комплекса особое место занимают различные категории изделий, оказавшиеся здесь в результате прямых или опосредованных контактов с Византийской империей (рис. 19). В настоящее время это самая представительная коллекция для древнерусских памятников X – начала XI в. В двадцати погребениях Гнёздовского некрополя обнаружены предметы, привезённые из Византии или с территорий, на которых ощущалось её сильное влияние. Среди них есть дорогие и редкие шёлковые одежды, поливная посуда, ларец розеточного типа, амфора, превращённые в

подвески золотая и серебряные монеты. Одиннадцать из двадцати этих курганов расположены в Центральной группе, но византийские вещи присутствуют и в погребениях Лесной, Ольшанской, Заольшанской и Днепровской групп. Большая часть комплексов с находками византийского происхождения относится к наиболее богатым погребениям Гнёздовского могильника. Это курганы Ц-20 (Большой Сизовский), Сиз. 1880 (б/н), Серг. 1899 (97), Серг. 18 (86), Ц-198, Ц-208, Ц-306, Оль-23, Оль-30, Л-13, Л-47, Дн-4, Поль-25, Поль-62. Некоторые из них содержат две или три редкие и дорогие вещи из Византии. В кургане Ц-20 обнаружено поливное блюдо с изображением сэнмурва и золотые нити; в кургане Л-13 – амфора, поливной туалетный кувшинчик и, возможно, византийский стеклянный сосуд; в кургане Оль-30 – полихромная поливная кружка и одежда, расшитая стеклянными накладками. Находки из курганов Ц-15 (26), Ц-175, Ц-317, Ц-251, Поль-76, Л-44, Дн-17 менее разнообразны, но и эти погребения нельзя отнести к малоинвентарным. По ряду критериев, традиционно используемых для выявления скандинавских комплексов, к таковым можно отнести 17 из 20 рассматриваемых курганов. Вероятно, в них похоронены люди, принадлежавшие к кругу участников военных походов, торговых и дипломатических миссий. Об их пребывании в Константинополе говорят предметы роскоши, производство которых в Византии предназначалось не для рынка, а для потребностей двора, армии, дипломатических даров, дани и строго контролировалось государством. Нельзя не учитывать и тот факт, что изделия дворцовых мастерских Византии могли менять своих владельцев на территории Руси в результате дарения, грабежа или торговли.

Вместе с тем, в некоторых курганах найдены более скромные вещи – перстень, поясные пряжки и медные монеты-украшения. Исключение составляют две женские одиночные ингумации со славянскими височными кольцами: в одной найдена ручка поливного сосуда (Ц-317), в другой – византийский бронзовый перстень (Дн-17). Отсутствие в этих комплексах вещей северного происхождения позволяет считать их славянскими. В третьем погребении – женском сожжении Ц-251, содержащем византийскую монету-подвеску, также не зафиксировано ничего специфически скандинавского.

Находки византийского происхождения обнаружены также в культурном слое Центрального городища и на всех участках окружающего его селища. В пределах юго-западной и юго-восточной частей площадки городища прослеживается ощутимая концентрация монет и обломков амфор, здесь найдено 3 свинцовых печати, фрагменты обгоревшего шёлка и золотых нитей, украшения и утилитарные предметы из бронзы, предназначенные, вероятно всего, для вторичного использования в местной ювелирной мастерской. В юго-западной части городища

обнаружен комплекс клада 1940 г, содержащий, помимо золотых и серебряных скандинавских украшений, две редчайшие номисмы Александра I, превращённые в подвески, и фрагмент костяной ложки, о византийском происхождении которой мы можем говорить с большой долей вероятности (Ениосова, Пушкина, 2012).

Вторая зона концентрации вещей византийского круга – селища, расположенное в пойме Днепра. На четырёх участках, исследованных в течение поле-

вых сезонов 1999–2008 гг, здесь найдены фрагменты и развал амфоры, обломки поливных сосудов, стеклянный браслет и сосуды, медные монеты, энколпион и перстень (Мурашёва и др., 2010, с. 512–536).

С селища, расположенного к западу от городища, происходят обломки амфор и поливной керамики, монеты, печать и два энколпиона. На Восточном селище обнаружены фрагменты амфор, монеты и агатовая вставка. Растущее с каждым годом раскопок число обломков амфорной тары свидетельствует, что

в различных частях памятника проживали потребители дорогих и престижных продуктов, импортируемых из Византии во второй половине X в.

Судя по тому, что комплексы с находками византийского круга первой половины – середины X в. (курган Л-13 и три ямы с находками фоллисов на производственном участке селища в пойме Днепра) являются единичными, контакты между раннегородским центром на Верхнем Днепре и Византией в этот период не были интенсивными. Немногочис-

ленные находки греческих импортов, относящихся к первой половине X в., из Киева, Шестовицы, Старой Ладogi и Рюрикова городища свидетельствуют о том, что даже после заключения договоров 907 и 911 гг русско-византийскую торговлю нельзя назвать процветающей. Незначительным было и число участников экспедиций в Константинополь (Shepard, 1995a, p. 253–254).

Ощутимый рост объема торговли зафиксирован в русско-византийском договоре 944 г, согласно ко-

Рис. 19. Находки византийского круга:

- 1, 2 – полихромные поливные кружки (случайная находка, ГИМ 1758/98, 7,4×8,8 см; Гн-88, Оль-30, МГУ);
- 3 – энколпион (случайная находка на Западном селище);
- 4 – ложка из слоновой кости (раскопки 1940 на ЦГ, погребение/клад, СОМ 5488);
- 5 – номинал Алекса́ндра I (912–913), превращённый в подвеску (Гн-2008, ЦГ-XXVI:10 МГУ);
- 6 – печать с сторично пробитым отверстием (Гн-2006, случайная находка на Центральном городище, МГУ);
- 7 – милларисий Льва VI (886–912), превращённый в подвеску (из разрушенного кургана, ГИМ 241/235)

тому вводились ограничения на покупку русами шёлковых тканей, производимых столичными мастерами. Судя по материалам раскопок погребений и поселения, в середине – второй половине X в. в Гнёздове появляется значительная часть находок византийского круга: амфоры, поливная керамика, текстиль, стекло, монеты и другие изделия из металла. Престижные вещи отражают тягу господствующей «варварской» верхушки к богатствам империи и достаточно высокий уровень жизни гнёздовской элиты. Вместе с тем, нельзя не заметить их очевидной связи с начальным этапом распространения христианства среди высшего слоя аристократии, поддерживающего прямые контакты с Византией. На территории Восточного и Пойменного селищ найдены энколпионы, изготовленные в Константинополе, мастерских Херсонеса или Нижнего Подунавья. В четырёх гнёздовских погребениях шёлк и золотные нити обнаружены вместе с атрибутами христианской веры – серебряными крестиками или свечами. Христианские символы присутствуют на белоглиняных полихромных кружках из погребений 18(86) и Оль-30. 17 золотых, серебряных и медных византийских монет-подвесок из погребений, слоя поселения и клада 1940 г. также могут расцениваться как свидетельства христианизации (Асташова, Пушкина, 2009).

Проблемы хронологии и историческая интерпретация Гнёздовского комплекса

Проблема хронологии Гнёздовского поселения и могильника до настоящего времени остаётся в значительной степени дискуссионной. Во многом определение нижней границы существования памятника зависит от определения даты появления гончарного круга на территории Древней Руси и Смоленского Поднепровья, в частности. На этот счёт высказаны разные точки зрения. Так, Е. В. Каменецкая относит появление гончарной керамики в Гнёздове к 20–30-м гг. X в., в то время как Ю. Э. Жарнов вслед за Д. А. Авдусиным датировал это явление серединой века (Каменецкая, 1977, с. 17; Жарнов, 1992, с. 18). Поскольку предложенные даты до сих пор нуждаются в дополнительном обосновании, представляется более корректным рассматривать материалы в рамках условных периодов: «раннее Гнёздово» (конец IX – первая половина X в.) и «позднее Гнёздово» (середина X – начало XI в.), на основе анализа датирующих возможностей предметов погребального инвентаря (Жарнов, 1992, с. 18). Рамки второго из предложенных периодов в какой-то мере подкрепляются небольшой серией дендродат, полученных на материалах двух погребений в камерах Центральной и Днепровской курганных групп, а также радиоуглеродной датой ингумации в могильной яме, ис-

следованной в Лесной группе⁷. Существенную роль для определения времени «финала» Гнёздова играет целая серия абсолютных дат, полученных с помощью радиоуглеродного и дендрохронологического анализа образцов дерева из слоя переувлажнённого притеррасного участка поймы. Наиболее надёжной представляется дата, полученная с помощью дендрохронологического анализа ствола дерева, имевшего наибольший из всех исследованных образцов возраст (134 г.). Эта дата (1002 г.) подтверждается результатами радиоуглеродного анализа двух образцов, взятых из разных серий годичных колец ствола этого же дерева. Она позволяет датировать два вышележащих строительных горизонта временем не ранее начала XI в. (Мурашёва, Авдусина, 2007, с. 12–13). Анализ материалов притеррасного участка полностью подтверждает тезис о существовании Гнёздова как раннегородского центра в начале XI в.

Выбор места для поселения первыми насельниками Гнёздова был обусловлен ландшафтной ситуацией – широкая незатапливаемая половодьем пойма правого берега Днепра с двумя небольшими внутренними озерцами и достаточно высокая и ровная терраса, образующая два мыса на обоих берегах р. Свинец. Исследования специалистов по палеопочвоведению показали, что момент возникновения поселения относится к этапу слабой поемности и некоторой засушливости климата. Пойма Днепра редко заливалась в половодье и фактически функционировала в режиме надпойменной террасы, а максимальные весенние паводки были на 2–3 м ниже, чем сейчас, и на 3–4 м ниже, чем в XVII–XIX вв. Развитие Гнёздова происходило в период так называемого средневекового климатического оптимума с более тёплыми, чем сейчас, зимами, во время которых накапливалось меньше снега. Пойменная часть была занята лесной растительностью, уничтоженной в результате хозяйственной деятельности человека. Эта территория оказалась пригодной для освоения и достаточно сухой для размещения на ней построек различного характера. На отдельных участках, расположенных на первой надпойменной террасе, под культурным слоем зафиксированы следы почв лесного облика, что говорит также о её залесённости ко времени начала её хозяйственного освоения (Зазовская, Бронникова, 2001, с. 197–199).

Исследования территории поселения показали его неоднородную структуру и наличие различных

⁷ В лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН получены даты рубки брёвен для конструкций камер кургана Ц-306 – вторая половина 70-х гг. X в. и кургана Дн-4 – начало 70-х гг. X в. (Авдусин, Пушкина, 1989, с. 203; Карпухин, 2001, с. 206). Радиоуглеродная дата UGAMS 6847 BP 1020 ± 25 cal 2 σ (95,4%) AD 974–1115 получена для костного коллагена, извлечённого из фрагмента черепа женщины (курган Л-195). Анализ выполнен в Центре прикладных изотопных исследований Университета штата Джорджия (США) методом ускорительной масс-спектрометрии.

зон: селитебных, производственных, а также участков, связанных с функционированием Гнёздова как речного порта. Одно из озёр (Бездонка) могло быть использовано в качестве внутренней гавани, а второе (Камыши) — как дополнительный источник воды для обеспечения производственных зон, связанных с высокотемпературными процессами. Характер использования отдельных участков во время существования посёлка мог меняться. Так, например, «портовое хозяйство» имело сложную структуру и эволюционировало на всём протяжении существования данного раннегородского центра. Исследования в районе оз. Бездонка показали, что ранние причальные сооружения сменились хозяйственными постройками с небольшими каменными очажками.

Поселение раннего периода первоначально было невелико по своим размерам. Возникнув не ранее рубежа IX–X вв., оно сначала занимало отдельные участки на мысах террасы на правом и левом берегах р. Свинец, а также на территории поймы. В ранний период наметились зоны, в пределах которых в дальнейшем концентрируются следы ремесленного производства. Достаточно уверенно датируются 20–30-ми гг. X в. остатки построек, связанных с обработкой чёрного и цветного металлов и изготовлением бытовых предметов и украшений. Они обнаружены в центральной части пойменного участка и на обоих мысах террасы.

С этим же временем связаны самые ранние следы хозяйственной, вероятно «портовой», деятельности — обложенной деревом траншеи и смолокурной ямы в районе оз. Бездонка; здесь в ранних отложениях обнаружена только лепная керамика. Внутренняя гавань была расположена на некотором отдалении от основной водной артерии. Вытянутая от берега озера в сторону террасы канава могла использоваться как своеобразный «волок» для вытягивания судов на сушу. Видимо, неслучайно в ней была найдена деревянная уключина, на верхний край которой с лицевой и оборотной стороны нанесён резной узор в виде стилизованной «лестничной» плетёнки, указывающий на скандинавское происхождение корабельной детали. В гнёздовской коллекции деревянных изделий есть также шпангоут и два фрагмента гребных вёсел (Мурашѐва, 2007, с. 106–114).

К раннему периоду Гнёздова относится начало оформления укрепленной части поселения — городища. Структура вала и характер культурных напластований на площадке позволили наметить несколько этапов в создании оборонительных сооружений. Первый этап — это возведение дерево-земляных конструкций оборонительного вала на уже обжитом участке юго-западного мыса террасы, на левом берегу Свинца, и эскарпирование склона, которое происходит не позднее второй трети X в. Первоначальный вал высотой до 2–2,5 м и ров «отрезали» площадку городища от восточной части территории селища.

С ранним этапом существования поселения связано начало сооружения курганов Лесной группы. К начальной стадии существования всего Гнёздовского могильника отнесено не более 1% курганов из рассмотренной выборки и содержащих остатки кремаций, что не противоречит предполагаемым незначительным размерам первоначального поселения. Среди них — два скандинавских погребения в ладьях. Все ранние насыпи возведены в южной части Лесной группы (курганы Л-5, 13, 17, 38, 47, 52, 106), расположенной северо-восточнее поселения. Вне этой территории можно указать единственный курган на южной окраине Центральной группы (Ц-105), то есть к западу от наиболее ранней части поселения. В Лесной и Центральной группах курганы возводили на протяжении длительного времени. Первые курганы Днепровской, Ольшанской и Правобережной Ольшанской групп были сооружены не ранее середины X в. Схожий характер этих погребений указывает на близкие даты появления насыпей (Каменецкая, 1977, с. 18; Жарнов, 1992, с. 19). В это время наблюдается первая волна поступления восточной серебряной монеты в Гнёздово. Значительная часть монетного серебра оказалась сосредоточенной в трёх кладах, время выпадения которых, вероятно, приходится на конец раннего периода.

Поселение постепенно разрасталось — в течение первой половины X в. расширилась зона жилой застройки на обоих мысах террасы Днепра. Во второй четверти — середине X в. начинает функционировать прибрежная портовая зона: в самых ранних напластованиях, наряду с лепной керамикой, зафиксировано небольшое количество раннегончарной посуды. Вероятно, озеро Бездонка уже не могло удовлетворить потребностей обслуживания Гнёздова как речного порта, и центр «портовой активности» перемещается ближе к древнему руслу Днепра. Выявлена сложная микротопография прибрежной зоны, включающая, кроме деревянных настилов, постройки-«склады», служившие для временного хранения товаров, и свидетельства производства, связанного с обработкой железа и обслуживанием судов (изготовление ладейных заклѐпок). Здесь также обнаружена яма для возгонки смолы, необходимой для их постройки и ремонта. Вероятно, торгово-хозяйственная деятельность близ уреза воды была сезонной, поскольку участок мог затапливаться паводками. Некоторые стратиграфические горизонты разделены прослойками относительно стерильной негумусированной супеси, а в бортах материковых ям прослеживаются следы последовательных «сезонных» затѐков (Мурашѐва, Панин, Фетисов, 2009, с. 144–145).

В середине — второй половине X в. территория поселения увеличилась благодаря расширению застройки в границах поймы и освоению новых значительных участков вдоль и вглубь надпойменной террасы по обоим берегам ручья. В середине — третьей

четверти X в. ювелиры и косторезы работали в аристократической мастерской в юго-восточной части Центрального городища, во второй половине того же столетия ювелирная мастерская функционировала в пойменной части селища. В середине X — начале XI в. на Восточном селище обрабатывали железо, медные сплавы и кость.

Расцвет поселения приходится на вторую половину X в., когда оно достигает максимального размера. В это время застраиваются даже казавшиеся ранее непригодными для жилья участки — например, приотрасная влажная ложбина, которая предварительно засыпается песком. Ближе к концу X в. происходит, видимо, какое-то обновление оборонительных сооружений, с которым связано искусственное перемещение части культурного слоя к краям площадки и отсыпка полуметрового вала вдоль её северной стороны. К позднему периоду относится второй этап поступления восточного серебра в Гнёздово и сосредоточение значительной доли драгоценного металла в руках нескольких владельцев как в виде монет, так и ювелирных украшений. Видимо, на протяжении третьей четверти X в. эти сокровища превращаются в клады.

С ростом поселения связан и рост могильника. Абсолютное большинство исследованных курганов, представленных во всех курганных группах, было возведено в период «позднего Гнёздова». Около середины X в. появляются погребения в Центральной курганной группе, хотя продолжается возведение курганов и в Лесной группе. Первые курганы, расположенные к западу от Центрального поселения (Днепровской, Ольшанской и Правобережной Ольшанской групп), были сооружены не ранее середины X в. (Каменецкая, 1977, с. 18; Жарнов, 1992, с. 19). Наименее ранние погребения с ингумациями совершены не ранее середины, а скорее всего, в третьей четверти X в., наиболее поздние — на рубеже X–XI вв. Их появление в эпоху «позднего Гнёздова» обусловлено не процессом эволюции обряда в самом Гнёздове, а воздействием внешних факторов этнокультурного, социального и идеологического характера (Жарнов, 1992, с. 21–22). Видимо, неслучайным является нахождение погребений с подвесками-крестиками не только в камерах Центральной, но и Днепровской, и Правобережной Ольшанской групп (Ц-198, 301, Дн-4 и Польш-5, 27). Не совсем ясно время появления курганов на Левобережье. Однако очевидно, что одно из наиболее богатых парных трупосожжений в Гнёздове появилось здесь не ранее 60-х гг. X в. (Пушкина, 1993б).

Близкий характер деталей обряда пяти курганов Центральной, Днепровской и Правобережной групп, в которых погребённых сопровождали подвески-крестики и восковые свечи, указывает на близкие даты их совершения, что подтверждается данными дендрохронологического анализа — камерные

гробницы сооружены в последней четверти X в. Одновременность погребений и возведения курганов на территории разных, иногда достаточно удалённых друг от друга, групп, подтверждается находкой в них глиняных сосудов, изготовленных в одной и той же мастерской или даже мастером (Каменецкая, 2001, с. 107–114).

Масштаб памятника и его роль на раннем этапе формирования Древнерусского государства во многом определялись географическим положением Гнёздова на «переломе» водных систем, замыкавшихся на Киев и Новгород (см. раздел А. Е. Леонтьева, Е. Н. Носова «Пути сообщения и торговые связи» в настоящей книге). Вместе с тем, из Верхнеднепровского региона открывалась возможность движения как на запад — к Балтике по Западной Двине, так и на восток — к Оке и Волге (Носов, 1999а, с. 164).

Изучение вещевого комплекса Гнёздовских курганов и поселений даёт основания полагать, что здесь сосредоточена большая часть находок скандинавского происхождения, известных на территории Древней Руси (Pushkina, 1997, р. 83–91). Кроме того, в Гнёздове обнаружены украшения, основной территорией распространения которых были Верхнее Поднепровье и Подвинье (ареал культуры смоленских длинных курганов), западнославянские земли, Среднее Поднепровье и Волжская Болгария. Топография находок на самых ранних участках поселений — в юго-западной части Центрального городища, Западного и Пойменного селища — свидетельствует, что с самого начала здесь жили скандинавы, славяне и местные кривичи (Авдусин, 1991, с. 13–17; Ениосова, 2001б, с. 207–219; Мурашёва, 2007, с. 107–108). Эти наблюдения подтверждаются данными о погребальном обряде, формах оружия и орудий труда и глиняной посуды (Пушкина, 1996б, с. 21–24).

Некоторые исследователи полагали, что Гнёздово — это пункт по обслуживанию и контролю над волоками с Днепра на Двину, «открытое торгово-ремесленное» поселение с колеблющимся составом населения, «приливы и отливы» которого связаны с обслуживанием водной коммуникации: перемещением купцов и воинских отрядов по Днепру, а также с функционированием торжища (Авдусин, 1972, с. 165; Булкин, Лебедев, 1974, с. 17; Shepard, 1995а, р. 258).

Согласно другой теории, Гнёздово — один из пунктов в общегосударственной сети поселений во главе с Киевом, погост, связанный с административно-фискальной деятельностью дружины великого князя — полюдьем (Петрухин, 1995, с. 155–158). Обширный некрополь этого памятника интерпретируется как дружинное кладбище. Население Гнёздова, помимо дружинников, состояло из ремесленников и прочих людей, служивших в княжеских угодьях. Не отрицая огромной роли торговли и ремесла в жизни поселения, сторонники этой идеи полагают, что его кузнечное и ювелирное производство было ориен-

тировано, прежде всего, на потребности дружины и войска, включая изготовление дорогих вещей, призванных украсить быт дружинных верхов (Петрухин, 1995, с. 161; Рыбаков, 1982, с. 325).

Согласно третьей концепции, Гнёздово — раннегородской центр периода становления Древнерусского государства с развитыми ремесленно-торговыми функциями, стабильной демографической структурой (учитывая естественный характер соотношения различных половозрастных групп проживавших здесь людей) и очевидной социальной дифференциацией населения. Судя по материалам курганного некрополя и поселений, гнёздовское общество включало в себя группы людей, связанных с воинской службой, дальней и ближней торговлей, ремеслом и сельскохозяйственной деятельностью. В Гнёздове существовала аристократическая верхушка — хорошо вооружённые воины, в большинстве своём скандинавского происхождения. Однако среди «преуспевающих» членов социума могли быть купцы, ювелиры и кузнецы, владельцы пахотных участков, лугов и скота, а также представители их семей. Средние по размерам и обилию инвентаря погребения принадлежали, вероятно, и рядовым жителям гнёздовских поселений.

Изготовление керамики, обработка кости и рога, чёрная и цветная металлообработка сложились на основе производственных традиций различных этнических групп, населявших Гнёздово, и носили стационарный характер. Ювелирные мастерские выпускали продукцию для всех социальных слоёв: дорогие, сложные по исполнению украшения из драгоценных металлов и латуни, а также рядовые, массовые, изделия из сплавов на основе меди, олова и свинца (Енисова, 2002, с. 5–16; Розанова, Пушкина, 2001, с. 77–82).

Обработка земли и разведение скота обеспечивали жизненные потребности людей, населявших Гнёздово, хотя, возможно, и не в полной мере. Судя по данным спорово-пыльцевого, карпологиического и остеологического анализов, возделывание культурных растений и пастбищное хозяйство играли важную роль в экономике поселения. Эти данные подтверждают следы древней пахоты, обнаруженные под насыпями курганов Днепровской группы, и находки сельскохозяйственных орудий на Центральном городище, Восточном и Пойменном селищах (Кирьянова, Пушкина, 2008, с. 171–177). Результаты изучения сельскохозяйственных занятий гнёздовского населения на протяжении последних 15 лет подтверждают гипотезу, выдвинутую шведским археологом И. Янссоном в 1997 году. Он считает, что, помимо центральной части (протогорода), в огромную по площади агломерацию поселений входили неукрепленные посёлки-сателлиты, вовлечённые в аграрную деятельность, что не исключало участия их разноэтничных жителей в ближней и дальней торговле, ремесле и воинской службе. Обилие находок скандинавского происхождения на различных участ-

ках Гнёздовского комплекса, включая многочисленные женские украшения, даёт основание говорить о миграции на эту территорию свободного крестьянского населения из Скандинавии, преимущественно из Средней Швеции (Jansson, 1997, p. 47–51, 53).

Значительная концентрация находок византийского происхождения в Гнёздове позволяет предположить, что этот раннегородской центр занимал особое место в отношениях с Константинополем с первых десятилетий до последней четверти X столетия. Прямые контакты с официальными представителями империи подтверждаются находками четырёх свинцовых печатей. Возможно, среди греков, путешествующих на Север из метрополии, городов Крыма или Нижнего Подунавья, были и миссионеры.

Самые поздние погребения Гнёздовского некрополя могут быть датированы последней четвертью X — рубежом X–XI вв. С принятием христианства на Руси и в Скандинавии произошла трансформация языческой культуры и погребального обряда. В конце X — первой половине XI столетия утрачиваются специфические особенности скандинавского погребального ритуала и резко сокращается количество вещей северного происхождения (Жарнов, 1991, с. 220).

Как полагают, утрата функций раннегородского центра была связана с постепенным прекращением импорта исламских монет в последней четверти X в. и переходом от эксплуатации внешних источников — дальней торговли и военных походов — к освоению внутренних ресурсов (Jansson, 1997, p. 25; Noonan, 1997, p. 154). Укрепление власти киевских князей в конце X — начале XI в. сократило приток скандинавов на Русь и изменило их положение: во времена Владимира и Ярослава они служили воинами-наёмниками в дружине великого князя (Noonan, 1997, p. 155). Не исключено, что одним из факторов упадка Гнёздова стало изменение к худшему экологической ситуации в микрорегионе. На завершающем этапе существования Гнёздовского поселения с начала XI в. климат становится более влажным, возобновляются регулярные паводки в пойме Днепра, растёт скорость накопления пойменного аллювия (Бронникова, Успенская, 2007, с. 179).

На основе анализа керамического материала и других находок был сделан вывод о «затухании» интенсивной жизни на поселениях в начале XI в. Раскопки в пойменной части Гнёздова дают возможность говорить о том, что характер поселения в это время не меняется, несмотря на сокращение его площади. Судя по находкам, на этом этапе качество жизни полиэтничного населения остаётся прежним (Мурашѐва, Авдусина, 2007, с. 26). Жизнь непрерывно продолжается и на небольшой площади центральной части Гнёздовского комплекса до рубежа XII–XIII столетий. Вероятно, здесь, в пригороде Смоленска, располагалась феодальная усадьба (Каменецкая, 1977, с. 12; Пушкина, 1996, с. 27).